

ИРИНА КОЧЕТКОВА

САМОЗВАНКА

12+

Магия Осияна

Ирина Кочеткова

Самозванка

«Автор»

2022

Кочеткова И.

Самозванка / И. Кочеткова — «Автор», 2022 — (Магия Осияна)

Меня совсем крохой отдали первой встречной женщине на улице. Потом приют и непонятная изнурительная болезнь. И всё же детство казалось безоблачным по сравнению с теми событиями, что закрутились вокруг меня после поступления в известную школу для молодых магов. Тем более каждый... каждый встречный норовил уколоть тем, что якобы я – не маг. А чего только стоило получить статус самозванки дочери самого Ар-Лагора – грозного дракона из Осияна?! И я не знаю, стоит ли мне принять или проклясть свои чувства к мужчине, давшему обещание богам жениться на другой.

Содержание

Дзень!	5
Господин лекарь	11
Проверяющий	18
Правильное имя	29
Принц настоящий	32
Обман	39
Обратно в приют	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ирина Кочеткова

Самозванка

Дзось!

Сколько же лет мне тогда было, когда мама отдала меня первой встречной на улице? Может, года два.

Первой встречной оказалась пятнадцатилетняя Аришшия. Мама просто подошла к девушке, сунула меня ей в руки, добавила кошелек с деньгами и коротко пояснила-приказала:

– Возьми малышку. Завтра за ней придут и ещё тебе заплатят.

И ушла.

Я была ещё слишком мала и, конечно, уже не помню ни ту женщину, что так просто отдала меня совсем чужому человеку, ни сам момент передачи с рук на руки. И знаю о случившемся только со слов Аришши.

Не думаю, что она сочинила эту историю. Уж мне-то известно – настолько доброго и невероятно честного человека как Аришшия ещё стоит поискать.

Это ж только подумать! Даже сейчас, спустя шесть лет, девушка убеждена, что тогда произошло какое-то непредвиденное событие, которое помешало тем неизвестным людям явиться за мной на следующий день... и на следующий... и через день... и через неделю...

Мало того. Она свято уверена, что они меня до сих пор ищут!

А тогда Аришшия, нечаянно заполучив на руки обузу, послушно поселилась в одном из лучших трактиров городка. И каждый день после завтрака исправно носила меня на ту маленькую площадь перед ратушей, на которой случился факт передачи, и тщетно высматривала тех, кто должен был явиться за мной.

На площади мы проводили целый день, но не скучали. Кормили птиц или возились с камешками у стен ратуши. А то играли в прятки возле чахлого куста, притулившегося у соседнего здания.

Местные быстро привыкли к девушке с маленьким ребёнком. Вели мы себя достаточно скромно, сильно не шумели. Да и трудно кого-то заинтересовать пришлыми людьми пусть и в маленьком городке, но расположенном возле самой столицы. Там таких пришлых столько на дню перебивает, сколько в самом городке жителей не живёт.

Только монеты даже из большого кошель в хорошем, а значит, и дорогом трактире довольно быстро заканчиваются. И вскоре Аришша перебралась со мной в трактир подешевле. А чуть позже ей пришлось искать другое жильё. Говорят, что девушке с ребёнком жить в трактирах неприлично. Тем более дешёвых.

Но и в самом дешёвом жильё долго не протянешь, тем более и кушать что-то нужно каждый день. А потому Аришшия стала искать работу. Бросить меня или где-то оставить ей даже в голову не пришло. Только кто и на какую работу возьмёт зелёную девчонку с маленьким ребёнком в довеске?

Нет, куда-то и Аришшу соглашались взять. В пригородах столицы полно трактиров и всяких магазинчиков. Любому найдётся занятие по его умению. Да хоть полы мыть! Работодателей останавливало наличие ребёнка. Все дружно советовали Аришше избавиться от меня. Например, сдать в приют... как раз один такой в соседнем городке имеется.

Какое-то время Аришша решительно отказывалась следовать «добрым» советам и продолжала искать работу. Но деньги, как их не экономь, заканчивались, а на работу устроиться не удавалось. И нам всё-таки пришлось отправиться в соседний Синезёрск на розыски благотворительного заведения.

Позже Аришшия никак не могла определиться, из какого же городка мы приобрели в Синезёрск. Где случилась то самое событие, в результате которого ей отдали меня с наказом дожидаться неведомо кого? Из соседнего...

В пригороде столицы оказалось столько таких городков, что все соседние казались похожими друг на друга как горошины в стручке. В любом из этих поселений обязательно была площадь с ратушей, лучший трактир, почти как две капли воды похожий на такой же в соседнем поселении.

Как потом выяснилось, ратуши во всех городках возводились по одному, утверждённому герцогом Озёрного Края, проекту. И все лучшие трактиры в пригороде столицы принадлежали одному владельцу, который устраивал свои заведения по одному и тому же подобию. И эти трактиры обязательно располагались в каждом сколько-нибудь значимом городке. А уж в самой столице их столько было!

Зато детских приютов в столице было всего два. Да два в пригороде: один на юге, другой на севере. Вот наш и был северным. А с Синезёрском соседствовали три других городка, различающиеся между собой разве что названиями да относительным расположением. Да разве ж девушка, озабоченная проблемами, запомнит с какого направления она пришла?

Когда Аришша добралась до цели, ей с трудом удалось уговорить почтенного господина Гильдиша, заведовавшего приютом, принять меня. И неудивительно, что с трудом – в приютах мест всегда не хватает. Не трактиры, чай...

Заведующего Аришша уговорила, а всё ж медлила уходить, цеплялась за меня и заливалась слезами, не желая расставаться. Привязалась за то время, что мыкалась со мной.

Господин Гильдиш подумал-подумал и предложил ей работу в приюте, благо, наставниц для детей не хватало. Конечно, пятнадцатилетняя Аришшия по годам в наставницы не подходила, но в помощницы вполне годилась. Было в девушке что-то такое... порядочное и уже взрослое.

Поразмыслив, опытный руководитель рискнул и не прогадал. Девушка с радостью согласилась на почти бесплатную работу в приюте. Она ни на минуту не задумалась о размере платы и горячо благодарила почтенного Гильдиша, что позволил ей не разлучаться со мной.

Думаю, со временем господин тоже возблагодарил Сияющих Сестёр, что привели нас на порог его заведения. Девушка оказалась доброй и прилежной, не чуралась лишней работы, не скандалила из-за оплаты как другие. Потому вскоре Аришшия стала буквально незаменимой. А в последний год, несмотря на молодость, её назначили старшей наставницей.

Порою я думаю о том, кем была та женщина, что так легко отдала меня? Действительно ли она была моей мамой? Почему она это сделала? Вот так просто взяла и отдала маленькую девочку первому встречному человеку. Что такое могло случиться в её жизни? Почему за мной не пришли? И кто те люди, так и не разыскавшие меня? Может, я оказалась лишней в чьей-то жизни?

Иногда похожим образом бедняки избавлялись от лишнего рта. Не всучивали, конечно, прохожим своих детей, приплачивая деньгами, но часто оставляли малышей просто на улице. У нас в приюте каждого второго ребёнка таким образом нашли. А совсем маленьких, бывает, прямо на крыльце приюта оставляют.

Но так поступают бедные люди и нищие. Я же никак не могла быть отпрыском бедных родителей.

Бедняки не могут себе позволить одеть ребёнка в роскошное бархатное платьице с дорожными кружевами, кружевные же панталончики и расшитые башмачки из мягкой кожи, а сверху укутать в большую шаль из шерсти эльфийских коз. Одна эта шаль отвергала любые мысли о родителях-бедняках.

А что уж говорить об украшении?! На бархатном платьишке среди кружев сверкала дорожная брошка, переливаясь блестящими камнями.

Эту драгоценность Ришша отцепила с бархата и спрятала в свой карман уже на второй день нашего с ней знакомства. А как иначе? Ей пришлось так поступить, потому что какой-то пьянчуга заинтересовался ярким сиянием камней. Что пьяному, но сильному мужчине слабая девушка и маленький ребёнок? Отобрал бы без труда и лишних усилий. Но, к счастью, случился рядом благородный человек. Заступился. Потому Аришшия не стала рисковать, спрятала драгоценность.

Думаю, эта самая брошь окончательно убедила в своё время господина Гильдиша в правдивости рассказа девушки. Наверно, он как и Аришшия поверил, что за мной, такой богатой, обязательно кто-то явится. Может, и на награду рассчитывал. Не знаю... Главное, нашёл мне место в приюте. Не отказал.

Сама Аришша иной раз фантазировала и представляла брошку артефактом, по которому неизвестные обязательно разыщут меня. Наталкивала её на эту фантазию игра камней, что прихотливо меняли цвет. Стоило мне только взять драгоценность в руки, прозрачные густозелёные камни неожиданно вспыхивали алым огнём. А если брошь брал в руки совсем другой человек, опять становились зелёными.

Необычно. И поневоле всякие домыслы в голову лезут.

Только я не верю. Уж, была бы брошь артефактом, меня давным-давно разыскали, а так... шесть лет прошло, а никто так и не объявился.

На всякий случай Аришша отдала драгоценность на хранение господину Гильдишу. А то и в приюте кто-никто может позариться на дорогое украшение. Сопру... украдут, и концов не найдёшь. Даже наивная девушка это понимала.

Только этой зимой господин Гильдиш оставил приют. Он давно грозился уйти. Жаловался, что старый стал, работать ему трудно.

Вот ещё! Что для него той работы было? Сидел целыми днями в кабинете, в бумажках копался, наставницами да их помощницами командовал. Ещё лекарь, кастелянша да кухарка чего-то спрашивали. Вот и вся его работа. Другим-то уж побольше забот доставалось.

В приюте дети рано начинают работать. Даже малыши во дворе прутиками вроде как подметают. Больше играют, конечно...

А чуть старше становятся, так начинается – постели заправить, пыль вымести, грядки с зеленью в саду полить. И по мере взросления работа только добавлялась – полы вымыть, матрасы на просушку вытащить, за малышами присмотреть, носы им вытереть. Старшие стиркой занимаются. Мальчишки дрова для печей пилят и колют. Девочки одежду латают.

Но самая желанная обязанность для всех, когда посылают на кухню. И там работы столько, что успевай поворачиваться. А всё ж, чем бы ни был занят на кухне, но лишний кусочек от кухарки перепадёт.

В приюте работников всегда не хватает. Мало кто соглашается работать почти бесплатно, фактически только за кров и еду. Таких как Аришшия ещё поискать. Другие же, как кастелянша, я даже не знаю, что делают в приюте. Потому детям и приходится всё самим для себя делать.

Вот мы действительно уставали! А Гильдиш говорит, что устал

Ну, вот... ушёл.

Новым управляющим стал господин Флош – супруг кастелянши приюта. Она давно за него хлопотала. Теперь они всей семьёй в приюте обустроились. И дочка их тут жила. Не с детьми, конечно, в отдельных комнатах вместе с родителями...

После смены руководства Аришшия заволновалась о сохранности броши, бегала к этому господину Флошу. Вроде, заручилась его обещанием, успокоилась.

Я и брошь-то эту уже совсем смутно помню. С тех пор, как шесть лет назад Аришша отдала драгоценность господину Гильдишу, она сама её редко видела.

Я, когда на платье бархатное с панталонами смотрю, и то иной раз не верю, что эти мои вещи. Настолько они отличаются от той одежды, в которой мне сейчас приходится ходить. Только как не поверить Аришше, когда она в который раз с упоением рассказывает, как я попала к ней?

Верю-то верю... вот они доказательства – чудесное бархатное платье, нисколько не тронутое временем и молью, и смешные штанишки из плотного кружева. Да. Если б Аришша не рассказывала, какая я была замечательно красивая.

Чудесные мягкие кудри нежного орехового цвета, пухлые губки, розовые щёчки с ямочками и зелёные блестящие глаза в обрамлении густых ресниц.

Вот такая я была по её словам!

Послушаешь... будто куклу описывает. Ту самую, с которой дочка Флошев играет. Только глаза у Флошевой куклы синие, а так один в один описание игрушки.

Но когда я заглядываю в бочку с дождевой водой, стоящую в саду нашего приюта, то вижу пугало, а не куклу.

В воде отражается жуткая уродина, которой только людей пугать.

Тонкая, словно бумага, тускло-серая кожа обтягивает кости черепа так плотно, что видны даже контуры дёсен, потому что молочные зубы выпали, а новые никак не росли. Из-за этого на щеках не ямочки, а целые ямы. Губы только по цвету угадать можно – иссиня-серому. А так рот похож на рыбью пасть. Глаза мутные и совершенно бесцветные с опухшими воспалёнными веками без ресниц. Бровей тоже нет. Вдобавок ко всему, волосы постоянно ломаются и осыпаются. Из-за этого кожа головы покрыта редким бесцветным пушком, что со стороны представляется лысиной. Сама башка болтается на тоненькой шейке.

Остальная несуразность, слава Сёстрам, спрятана под старой одеждой, доставшейся мне, как и другим младшим приютским от старших, выросших из тряпок, что иногда жертвуют приюту жители городка. Особенно я стараюсь прятать тёмное безобразное пятно на плече, которое постоянно чешется и шелушится противными ошмётками. Ф-фу!

В результате, вся эта «красота» едва ли равнялась ростом с шестилетним ребёнком, хотя мне было уж точно больше восьми.

Только Аришша упорно называет меня красавицей, будто не замечая чудовищного облика. Если б ещё никто её не слышал! Приютским только повод дай. Ох, как они веселятся и зубоскалят. Мне даже прозвище подходящее дали – Чукра. Ага, чудовищная красавица!

Ни одна приютская девчонка со мной играть не хочет. Фыркают, что я заразная. Это они ещё пятна на плече не видели. Хотя наш лекарь, исследовав плечо, сказал, что это не зараза, а особенность моего организма. Наверно...

Только мальчишкам плевать, как я выгляжу. Главное, бегаю быстро и по деревьям лазаю не хуже их.

Это да. И бегаю, и лазаю, даже дерусь иногда, если не болею.

Не заразно болею, конечно. Врут девчонки. Потому что никто в приюте так не болеет, кроме меня. И даже приютский лекарь господин Крытис не может определить мою болезнь. А я называю её: «Дзонь». Именно с этого звонкого звука начинался каждый приступ.

Дзон-нь!

Как будто где-то разбилось что-то стеклянное. Правда, кроме меня этот звук почему-то никто не слышит. А мои слова списывают на воспалённое болезнью воображение.

Но и перед следующим приступом опять отчётливо слышу: «Дзон-нь!»

Ещё звенит эхо стеклянного звона, а из меня нечто злое начинает тянуть что-то очень важное. Я не вижу и не понимаю, что это, но хорошо чувствую, как зло тянется ко мне. Сразу же накатывает невероятная слабость, которая буквально валит с ног. Выкручивает мучительной судорогой мышцы, и почему-то мои рёбра сами собой сжимаются изнутри, не давая вздохнуть. А самое противное, когда накрывает беспомощность.

Нет ничего хуже, чем на потеху приютским валяться тряпкой где попало. Приступ ведь не спрашивает, валит с ног там, где застанет – на полу посреди коридора с веником в обнимку или во время еды, сунув носом в тарелку с жидким супом.

Рассказывают, когда я впервые стала падать от приступов, дети очень пугались. Да и взрослые ужасались. Аришшия от беспокойства за меня с ума так сходила, что весь приют на ноги поднимала. А я того уже и не помню. Вся память о том, что было раньше, затёрлась болью.

Теперь-то мои приступы только Аришшу по-прежнему пугают да господину Крытису добавляют забот. А остальные... Ладно, если мимо равнодушно пройдут, а то, как некоторые, насмешничать примутся.

Один раз свалилась я так вот во время уборки комнаты у малышей. Только полы домыть успела, перенесла ведро с грязной водой через порог, разогнулась... и вот оно – дзон-нь! Где встала, там и шлёпнулась, перевернув ведро. Так в луже грязной воды и плюхалась, сучила ногами от боли, что закручивала тело судорогами. И в беспмятство не впала как назло, потому всё происходящее и запомнила.

Запомнила, как старшие девчонки мне по ромашке засунули в каждую ноздрю и стояли рядом, ногами подпинывали, рожи кривили да дёргались, передразнивая мои корчи. Хохо-тали...

Позвал ли кто Аришшию, или сама она мимо проходила? Ох, и досталось злыдням от моей заступницы. И это от Аришши – самой доброй души на свете! Она ж самым противным врединам да несносным озорникам всегда только пальчиком грозит и лишь головой качает в укор, а тут из-за двух ромашек в носу так разошлась. На заводил проказы – Шаску и Гламиру – ребягню сразу указали пальцами. Не мне одной от них доставалось. Так Аришшия, недолго думая, безобразниц за уши ухватила, в тёмную кладовку самолично довела и заперла до самого вечера.

Девчонки от неожиданности ошалели, даже не сразу реветь принялись – всё тарасились на разбушевавшуюся Аришшу. Думали, что как обычно она их пожурит и отпустит. А тут их за уши да в кладовку! И кто? Та, от которой никак не ожидали получить на орехи. Потому-то очухались, рёв подняли. Аришша же в этот раз не дрогнула, заперла их и даже господину Гильдишу возразила, не дала раньше времени выпустить. А сама поволокла меня к лекарю господину Крытису.

Вот после того случая Аришшу старшей наставницей и назначили.

Расправы над обидчицами я сама не видела. Болезнь, как правило, меня на несколько дней, а то и недель, в кровать укладывает. А вот Коська – мы с ним частенько играли вместе – всё подробно потом обсказал. Сам-то заступиться за меня не мог. Мелкий пацан был да слабый, но Аришшу, может, он и позвал.

Я сразу не спросила, а Коська вскоре помер. Уснул с вечера, а утром не проснулся. Лекарь сказал, что у мальчишки сердце слабое, потому, мол, мелким был да хлипким.

Я ревела, жалея Коську, и думала, что сгубило его то же самое зло, которое мучило меня приступами. И рано или поздно это зло доконает меня, как и Коську. Я даже знала, где засела эта гадость.

Нет, болезнь сидела не внутри меня, как думали лекарь и другие. Зло спряталось где-то в районе комнаты-склада, в которой хранились запасные одеяла да разномастная ношенная одежда для приютской ребятни. Там же кастелянша целыми днями распивала чай.

Лишь унюхав противный запах чайных трав, я принималась чихать и плевать. Удивительно. Ведь, когда эти травы приносили из сада, они чудесно пахли мёдом. Но стоило им чуть полежать на столе кастелянши, как зелень начинала вонять гнилью. Думаю, из-за той дряни, что завелась в стенах склада.

Только почему-то никого кроме меня этот гнилой запах не тревожил. И все в один голос утверждали, что я всё выдумываю. Только Аришша на мои слова ничего не говорила, лишь вздыхала в ответ.

И чем ближе к комнате-складу заставлял меня приступ, тем тяжелее и дольше я приходила в себя. Как назло, комната, в которой мне приходилось жить вместе с другими девочками, находилась через стенку от склада. Ох, и шарахало меня от той стенки. Озолоти, не подойду! Возле неё мне сразу делалось плохо и без хрусткого звука «Дзень».

Как я просилась поселиться в другой комнате! Даже с мальчишками соглашалась жить. Их-то комната дальше от склада располагалась. Не позволили. И от уборки в комнате кастелянши отказывалась наотрез по этой же причине. А ведь госпожа Флош могла и конфетами угостить – редким лакомством в нашем приюте.

Господин Гильдиш хмурил брови, не понимая причин моих «капризов». Если б я могла что-то объяснить! И заступничество Аришши не помогало. Все дружно считали мои слова враньём. Эх!..

Зато летом мне удавалось проводить больше времени в саду. Даже ночевать там ухитрялась. В саду хорошо! Ночью, правда, не жарко, и комары кусаются. Только это всё ерунда по сравнению с дрянью со склада.

А самое главное, в саду росли фруктовые деревья. Считалось, что деревья эти старые и уже не плодоносят. Только я и привратник дядька Васиш, вдобавок исполняющий обязанности дворника и садовника, знали, что деревья дают плоды. И ещё как! Только их никто не видел, потому что весь урожай умудрялась съесть я одна ещё до вызревания плодов.

А как же! Во-первых, если дать плодам вызреть, другие до них вперёд меня доберутся. А во-вторых, у меня терпения не хватало дожидаться урожая. Я начинала жевать ещё бутоны. Они тоже вкусные, а если много съесть, то и сытные.

Дядька Васиш каждый год грозился, что нажалуется на меня заведующему, но, понаблюдав, с каким остервенением я размалываю дёснами кислые зелёные завязи, отступал. А потом врал начальству, что де гусеницы цвет погубили, или на птиц наговаривал.

Это была ещё одна моя беда – голод.

Я всё время была жутко голодной. Мне не хватало тех порций еды, что выделялись на каждого воспитанника приюта. А ведь Аришша порой умудрялась выпросить для меня добавку. Только с приютской еды ещё никто не разжирел, хотя и таких заморышей, как я, у нас не водилось.

Из-за моего зверского голода меня никогда не допускали к работе на кухне, потому что после моих дежурств запас продуктов сильно уменьшался. Наша приютская кухарка специально выбила из господина Гильдиша распоряжение меня на кухню ни в коем случае не допускать. Потому что я могла даже сырую крупу сжевать.

Ну, невтерпёж мне было дожидаться, пока она сварится. А так горстка за горсткой, пока перебираю... и не замечаю, что для каши и половины нормы не остаётся.

Аришша даже часть своей порции мне отдавала. И почти все заработанные деньги тратила на еду для меня. Но и этого не хватало. Многие укоряли меня прожорливостью. Стыдили, что Аришшу объедаю... Только голод сильнее стыда. А особо хотелось есть после приступов.

Зато летом в отдалении от склада и при поддержке «подножного корма» я переставала болеть. На лысой голове даже пушок становился гуще, глаза чуть темнели до светло-серого цвета, а кожа начинала слегка золотиться от загара. И многие отмечали, что я становилась похожа на человека, а не на синюшную Чукру. Только опять же, улучшения списывали на лето, а не на то зло, что окопалось на складе.

Но до лета ещё нужно было дожить, а сейчас после очередной тяжёлой для меня зимы началась весна. И этой весной в наш приют пришёл проверяющий.

Господин лекарь

А ещё мне очень нравилось бывать в лекарском флигеле. Но определяли меня туда лишь тогда, когда я заболела. И длилось это счастье не более двух недель.

Флигель располагался в саду, и зло со склада до него не дотягивалось. Потому, засыпая в лекарской палате, я начинала видеть хорошие сны. Был один замечательный сон, который исправно снился мне столько лет, сколько я себя помню.

В этом сне всё вокруг залито ярким солнечным светом. Я маленькая и лёгкая. Там, в этом сне, я всегда ощущаю себя маленькой девочкой.

Крепкие, сильные руки кого-то большого и родного легко подбрасывают меня высоко вверх. Ловят и снова подбрасывают, ловят и подбрасывают... Я звонко смеюсь.

– Солнышко! Моё солнышко, – мужской голос звучит ласково. Звуки теряются в золоте лучей...

Вот и весь сон. Но после него я просыпаюсь отдохнувшая, необыкновенно счастливая и быстро иду на поправку. Иногда думаю, что возможно за сон я принимаю какое-то воспоминание из прошлого. Да толку-то!

Ещё тогда, когда Аришшу «осчастливили» мной, но не сообщили имя, она первым делом спросила:

– Как тебя зовут, малышка?

Я пусть и была крохой, но что-то лепетать уже могла, а потому уверенно ответила:

– Сола.

– Солана? Сольена? Исола? Солара?

– Сола.

И всё тут! Ну, чем не Сола-солнышко?

А этой весной, едва сошёл снег, приютский лекарь господин Крытис всё-таки попытался определить мою болезнь с помощью господина Трауфа.

Господина Трауфа я и раньше видела у нас в приюте. Он, бывало, заходил поздороваться к кастелянше госпоже Флош, иногда чай с ней пил. А теперь выяснилось, что они с нашим лекарем учились какое-то время у одного мага-наставника. Только наш Крытис вскоре выказал склонность к лекарскому делу и сменил наставника, а Трауф доучился и теперь изготавливает артефакты по заказам.

Что такое артефакты, я представляла смутно. Видела пару раз, как используют какие-то штуки, а потом слышала от окружающих благоговейное: «Артефакт!». Ну, и Аришша упоминала, что меня по артефакту найти могут.

По всему выходит, что этому артефактору лет было столько же, сколько и нашему лекарю, а почему-то выглядел он чуть не сыном господина Крытиса.

Много позже я задавалась вопросом, как маг-артефактор мог установить диагноз болезни, если артефакторика и целительство ничем не связаны? Но в тот момент было не до вопросов, потому что мне опять стало плохо.

Аришшия с помощью одного из воспитанников в очередной раз притащила меня беспмятную в лекарский флигель. Тут же, привлечённый суетой, обозначился господин Трауф.

Вдали от злого влияния дряни со склада я понемногу стала приходить в себя и обнаружила рядом Аришшию, в беспокойстве заламывавшую руки. Она никак не могла привыкнуть к моим приступам, а беспмятство пугало её чуть не до истерики. Аришша всё время боялась, что я так и помру во время одного из своих припадков. Увидев, что я открыла глаза, девушка с облегчением вздохнула и поведала, что мужчины уже целый час сидят в кабинете Крытиса, уточняют мой диагноз.

«Уточнялся» диагноз под звон стаканов и мужской бубнёж – тонкая дверь не была препятствием для звуков. Даже мне стало понятно, какого рода «совещание» проходит в кабинете лекаря.

«Совещание» продолжалось, а я как всегда была жутко голодна. Аришшия успела сбежать за едой на приютскую кухню, скормила мне двойной ужин. Я, конечно, не наелась, но понимала, что больше ничего не будет – Аришша и так из-за меня в очередной раз осталась голодной. Потому постаралась заснуть, радуясь, что я в безопасности лекарского флигеля, и зло сюда не дотянется.

Задремала, уплывая в свой счастливый сон, который приходил только вне стен приюта. И вдруг!

Любимый сон растаял, а внутри стремительно закрутилось напряжение и лопнуло с оглушительным «Дзюнь». Тело как спицей проткнуло жгучей болью и выгнуло, потревожив нечаянным движением прикорнувшую рядом Аришшу.

Я ещё слышала сквозь боль, как лекарь провожал приятеля. Они долго тыкались не в те двери, падали по очереди и усердно поднимали друг друга.

Аришша попыталась растормошить господина Крытиса, уснувшего у входной двери. Сначала вежливо и тщетно зывала над его головой. В какой-то момент терпение у девушки закончилось, и она принялась трясти лекаря. Мне становилось всё хуже. Из носа хлынула кровь, и, впад в беспамятство, я уже ничего не слышала.

О том, как поднимала лекаря, Аришша рассказала мне уже утром.

Лекарь мычал и не желал открывать глаза, тогда Аришша в отчаянии отвесила Крытису несколько увесистых пощёчин и буквально завопила:

– Ты, дрянной старикашка, вставай! Если Сольена сейчас умрёт, я сама... слышишь? Сама порешу тебя этими руками! Вставай же!

Сияющие сёстры! Аришшия била кого-то, наверно, впервые в жизни! Да и кричать, я думаю, никогда не умела. Может, это и сработало?

В усмерть пьяный Крытис умудрился очнуться и кое-как встать с помощью девушки. С закрытыми глазами нашарил на пыльной полке шкафа маленькую коробочку, что-то достал из неё и поддерживаемый Ришей проковылял ко мне. Неловко зацепившись за спинку кровати, мужчина уронил на пол маленький бесцветный кристалл, дёрнулся поймать его и свалился под ноги девушки.

– Тс-с! Ни-ни.. Камень очш-шень дорогой. Ни-ни!

Аришшия, присев, нашарила рукой кристалл. Схватив за руку, подтянула пьяного лекаря вверх и снова прицепила его к спинке кровати.

– Вот камень! Вот. Крытис! Миленький, что делать? Что с ним делать? Говори же!

Девушка не растерялась и вновь вlepила звонкую оплеуху пьяному лекарю. Тот встрепнулся, ткнул пальцем в меня куда попало. Оказалось, в шею.

– К-кожу... острый к-кончик... того...

Аришшия положила камешек во впадину возле моей ключицы, и, пристроив на кристалл руку лекаря, придавила сверху своей ладошкой:

– Крытис. Ну, миленький Крытис, дальше... Что дальше?

– А... вот так, – рука лекаря дёрнулась, чуть развернувшись, – и сказать... – он пробурчал что-то невнятное.

Под рукой мужчины что-то коротко вспыхнуло, а меня перестало выгибать дугой. Прозрачный камешек помутнел. Девушка знала такой вид артефакта. Накопители. В кристаллах в зависимости от вида и размера хранился заряд магии.

Аришша и раньше видела, как лекарь лечил меня, магича. Правда, тогда он руками крутил и бормотал что-то себе под нос.

Таким образом он махал руками надо мной каждый день по несколько минут утром и вечером в течение всего периода моего излечения. Камень же применил впервые. К лечению магией, как правило, добавлялись травяные настойки.

И сейчас, наверно, не хватало этих самых настоек, потому что я всё так же лежала в беспомощности, тяжело дыша, лишь судороги прекратились. Явно, что воздействие одной лишь магией оказалось недостаточно. А, может, заряд камня был слишком мал.

Девушка попыталась растормошить и расспросить Крытиса о лекарствах, но пьяный мужчина только мычал и рыгал в ответ. Аришша подумала-подумала и пошла шариться по шкафам и полкам кабинета лекаря.

Лекарства и настойки были. Некоторые даже подписаны, чтобы можно было сразу определить, для какой нужды их изготавливали. Но видать, пояснения оказались невнятными.

Конечно, Ришша почитала надписи, открыла некоторые пузырьки и банки, понюхала содержимое, что-то даже полизала, но так и не определилась, что можно было мне дать, а что нет. Но обнаружила ещё два кристалла. Один такой же по размеру и бесцветности, каким воспользовался лекарь, а другой чуть больше и с золотой искрой.

И Аришша принялась рассуждать:

– Один раз магия помогла, значит, и ещё поможет. Если взять снова такой же заряд магии, то... – моё беспомощство ей не нравилось, – может мало помочь. А вдруг этот блестящий лучше подействует?

Десяток щипков, пинков и затрецин уговорили лекаря повторить процедуру с кристаллом, но с большим зарядом магии. Настолько большим, что Аришша перепугалась, опасаясь, что переборщила с силой.

Утром хмурый от головной боли господин Крытис, чуть очухавшись, выговаривал Аришше. И если бы голова его не трещала так безбожно, то орал бы на всю округу, а не просто шипел:

– Глупая курица! Да полный заряд из простого кристалла такой величины, разве что, здорового мужика на месте сразу не прибьёт! А ты ей даже не простую, а уплотнённую магию влила! Сжечь могла девчонку...

Не сожгла. После уплотнённой магии мне было хорошо-хорошо!

А когда лекарь залпом опрокинул в рот какой-то травяной настой, посидел чуток, передыхая, то потом зачем-то рванул волосы у себя на голове:

– Троль меня задери!.. Мне этот кристалл по ошибке дали! Там магия не простая, а уплотнённая, а я сразу не проверил, – глаза, воспалённые после «совещания» накануне, гневно уставились на Аришшу. – Камень такой величины приюту на целый год выдаётся. И это с простой магией! Настойки усилить и больных подпитать. По чуть-чуть... Норма! На целый год! – лекарь потряс указательным пальцем перед носом девушки. – А уплотнённого кристалла на три года должно хватить! – теперь палец поднялся к небу. – А ты... Ты не просто трёхгодовой запас магии в неё вбухала, ты меня... – Крытис схватился за грудь и замычал, зажмурив глаза.

Аришша растерянно засуетилась:

– Господин Крытис, да вы только посмотрите, как Сола похорошела.

– Похорошела?! Похорошела... Да ты хоть знаешь сколько такой камень стоит? Да ты, если жрать не будешь, только работать, и то за всю свою жизнь не рассчитаешься! Мне ж бумагу уже прислали, чтобы явился с камнем на замену. А ты... да меня теперь в тюрьму из-за тебя упекут. Буду из-за решётки на красивую Солу любоваться! – и вдруг спохватился. – А камень? Куда ты камень дела? Его ж зарядить можно. Уплотнённой магией не получится, но хоть как-то...

Аришша убито прошептала:

– Господин Крытис... я это... наступила нечаянно. Он и раздавился.

– Ой, дура-а!.. Он же бешеных денег стоит. Сияющие! За что я вас прогневил? Что делать-то? Ох, Ришшка, вместе нас с тобой посадят... Ни камня, ни магии... Ох!

Слушать эмоциональные пререкания Аришши с лекарем было увлекательно, хотя и непонятно. Кто и зачем выдаёт камни господину Крытису? И за что его упекут за решётку?

По моему разумению, в тюрьму сажают за убийство, а меня ведь наоборот – вылечили! Значит, спасли. Да ещё как! Вместо двух недель томительного выздоравливания – р-раз!– и за один момент вылечили. Теперь я себя настолько здоровой ощущаю, какой, наверно, никогда и не была.

Разве за это сажают?

В голове роились вопросы, но и росло желание, как можно быстрее покинуть лекарский флигель. Как я раньше-то не почувствовала, что зло, похожее на то, со склада, и здесь теперь завелось? А я, всю ночь блаженствуя от непонятной уплотнённой магии, только утром распознала знакомое тянущее чувство. Такое, которое уже тревожит усвоенную мной силу и пытается откусить от неё пока маленький еле заметный кусочек.

Я-то знаю, как кусается такое зло. Как отхватывает, отрывает целые куски и кусищи, раздирая тело оглушительной болью. Ощущение пока не такое болезненное, даже еле ощутимое, как намёк. Но уж слишком знакомое, чтобы насторожиться.

Да ещё Аришша говорит, что я похорошела. Как назло, у лекаря и посмотреться не во что, чтобы оценить получившуюся красоту. За ночь у меня даже зубы прорезались. Отвыкла я как-то от них, даже чуть мешаются.

Не-ет. Нужно подальше уходить от зла, которое уже и до лекарской добралось. Ещё быстрее хотелось добраться до бочки с водой в саду, успеть посмотреть на свою красоту, пока она опять куда-нибудь не делась. А то зло уже научилось разгуливать по территории приюта.

Я тянула и тормошила Аришшу, уговаривая поторопиться на завтрак. Может, упоминание завтрака помогло, а может, и явление господина Трауфа, забывшего после «совещания» свою сумку в лекарской, положило конец выяснению отношений.

Я буквально летала от непривычного ощущения здоровья. И не замечала озабоченности Аришши.

Удивительно, в новом состоянии меня даже голод не донимал с такой силой как обычно. И впервые я совершенно спокойно прошла мимо яблонь, ветви которых были усыпаны набухшими цветочными почками, готовыми вот-вот распуснуться. Весна бушевала.

Вода в садовой бочке показала новую меня. На первый взгляд, черты лица прежние... Да нет! Чуть другие. Зубы пока ещё небольшие, едва прорезались. Да и не все... Но всё равно поменяли форму щёк.

А вот губы порозовели и пополнили. Глаза блестят.

Правда, непонятно какого цвета стали. Вода ж не зеркало, такие тонкости не покажет. Но видно, что брови обозначились, и веки обзавелись щётками ресниц. Кожа уже не похожа на тонкую бумагу, на вид стала мягкой, а на ощупь даже бархатистой.

И голова, можно сказать, уже не лысая. Волосы густые, но короткие-короткие. Но ведь не пушок на лысине!

В эйфории от себя новой я проходила целых два дня. Другим детям моя новая внешность тоже понравилось. И дядька Васиш, улыбаясь, высказался:

– Наконец-то, на человека стала похожа, а не на пугало садовое.

А ещё зло со склада и из лекарского флигеля куда-то пропало. Всегда было, во всяком случае, на складе, а тут вдруг исчезло. Вот радость-то!

Третий день начался непривычно. Нас, восьми- и девятилетних девчонок, отправили стирать. Раньше стиркой занимались девочки постарше. Но при новом заведующем завелись и новые порядки.

Теперь старшие дети работали по найму в городе. Утром уходили, а вечером возвращались. Многим это не нравилось, но спорить с господином Флошем дураков не нашлось. Это он, наш новый заведующий, находил людей, кому требовалось сделать посильную детям работу. Говорят, те люди платят Флошу, только мы не знаем сколько. Кому-то даже понравилось так работать.

Шаске, моей всегдашней обидчице, ленту подарили за то, как она хорошо вымыла полы в большом доме у какой-то старушки. Устала так, что рук и ног не чувала, но красивой лентой обзавелась. Хвасталась, что опять пойдёт к той старушке, так работать будет, что та обязательно ей платье ещё подарит.

Ох, как другие девчонки ей завидовали! А я тихонько радовалась. Пусть Шаска платье зарабатывает – больше будет работать, сильнее будет уставать. Тогда на каверзы для меня сил у неё уже не хватит.

И вот я вместе с другими девочками, моими одноклассниками, осваивала стирку. Дело было непривычным и трудным даже для других девчонок, а что уж говорить обо мне – малорослой. Стирать оказалось много тяжелее, чем полы мыть. Этак не Шаска, а я к вечеру умаюсь.

Особенно тяжело было управляться с большими вещами вроде простыней. Тут мы старались работать парами. Особенно выжимать вдвоём было легче. Одна держала смятый конец простыни, а другая крутила свою сторону изо всех сил. Конечно, мы не сами додумались до такого приёма, старшие девчонки надоумили. Правда, и сухими в таких условиях невозможно было остаться. Как ни береглись, а вымокли все.

Но совсем уж обидное случилось, когда кастелянша наведальась проверить нашу работу. И не понравилось ей, как отстирали её юбку. Разоралась, даже ногами топала, уже выстиранное бельё по полу раскидала. А на полу-то местами грязные лужи натекли – не привыкли мы ещё к такой работе, чтобы без луж обходиться.

Аришша появилась в постирочной, когда разозлённая госпожа Флос пыталась ухватить за ухо ближайшую девочку. Ришша шепнула на ухо кастелянше что-то такое, отчего грузная женщина подхватила свои юбки и унеслась прочь. Девушка тревожно осмотрелась и, увидев меня, поманила за собой.

Я, как была в подмокнутой одежде, потащила за старшей наставницей. Странно, что Аришша повела меня в лекарский флигель. Всю дорогу она молчала, о чём-то озабоченно раздумывая. Подавленная тревогой старшей подруги, я не приставала к ней со своими вопросами как обычно. Во флигеле Ришша выдала мне одну из сухих сорочек, в которые обычно одевали больных.

Я в недоумении приняла одежду, а сама всё озиралась по сторонам, ожидая, что в любой момент появится господин Крытис и разъяснит, зачем я тут. Ведь в последние дни, благодаря его уплотнённой магии, я чувствовала себя необыкновенно хорошо, и по здравому размышлению нечего мне было делать в лекарской.

Я уже переделалась в сухое, лекарь же так и не объявился, а из комнаты для больных донеслись чьи-то стоны и тихий голос Аришши. Закончив переодевание, я поспешила на шум и не сразу узнала того, кто лежит на кровати, возле которой сутилась девушка.

– Сола, побудь, пожалуйста, с Ишассой. Она... с ней... плохо. Ей нужно менять компрессы и губы смазывать мокрой губкой. Ты же помнишь... тебе тоже так делали, когда ты болела.

– А господин Крытис где?

– Лекаря нет, его вызвали по поводу кристалла, – плечи девушки печально поникли. – Я бы сама с ней побывала, но сейчас я – самая старшая в приюте. Господин Флос уехал. Потому и не могу посидеть с Шассой. Да ничего и не сделаешь без лекаря. Она в беспамятстве, вся горит. Девочке нужно только продержаться до прихода господина Крытиса. Побудешь с ней?

Я нерешительно кивнула головой. Побуду, коли нужно. Только... Опасливо покосилась на больную.

– Ты, главное, просто побудь с ней. А если Сияющие... то... – Аришша всхлипнула, прикрыв ладонью глаза.

– Ришша, я побуду с Шаской. Не плачь.

Девушка ласково погладила меня по отросшим волосам:

– Как ты меня назвала? Ришша? Меня так когда-то мой... друг называл.

– А кто твой друг? И где он?

– Он... неважно. Он уже не друг.

– Мальчишка? Ну да, они такие. Сегодня играют, когда им разбойников не хватает, а как заболеешь – чего с тобой дружить, слабачка!

Ну, вот! Наконец-то Аришшия чуть улыбнулась и на мгновение прижала меня к себе:

– О, да! Мальчишки очень коварные и слабачек действительно не любят!

Аришша ушла, а я осталась наедине с больной.

Вот те раз! Шаску-то, оказывается, Ишассой зовут. Впрочем, и меня Аришша иногда величает Сольеной.

Я поменяла компресс на Шаскином лбу, дивясь, как быстро высохла тряпка. А заодно разглядывала свою обидчицу, гадая о причинах столь тяжёлой и внезапной её болезни. Неужто, и вправду от меня заразилась?

На первый взгляд всё у Шаски было нормально. Утром-то, когда нарочно толкнула меня плечом в коридоре, она вполне себе здоровая была, а сейчас почему-то пластом лежит. Что же могло с ней случиться за полдня?

Сейчас же...

Лицо, разве что, бледнее обычного. Меж бровей тонкая складка залегла, выказывая, как Шаске больно.

На мою болезнь от неведомого зла совсем непохоже. Так с чего ей так плохо-то? Аж, до беспамятства и горячки.

И запах от девчонки шёл почему-то нехороший. Тяжкий.

Странно. Лицо целое, а запах кровавый, как от кухонной доски, на которой мясо раздывали и не вымыли.

Сильно пахнет! И противно...

Морщась, но подчиняясь любопытству, я потянула простынь, что укрывала больную по самую шею. И тут же пожалела о несвоевременном своём любопытстве. Открывшееся зрелище пугало.

Как? Как такое могло случиться с человеком?

Вся одежда Шаски была разодрана чуть не в лоскуты и заскорузла от крови. Руки в синяках и рваных ранах. Пальцы... на одном, кажется, ноготь был полностью сорван. Да и тело, что просвечивало в прорехах, было сплошь покрыто почти чёрными кровоподтёками. А ноги... заляпаны подсохшей и свежей кровью. И кровь ещё откуда-то просачивалась. Кажется, от низа живота подтекает.

Как же она живот повредила? Сама себе что ли?.. Не-ет. Такое только кто-то другой сотворить может.

Тут же забылось, что Шаска – моя самая злостная обидчица. Какой бы врединой ни была девчонка, она не заслужила такого издевательства. А уж все её измывательства надо мной ни в какое сравнение не шли с тем, как ей самой досталось.

Конечно, я совсем не разбиралась в лекарстве, но каким-то наитием поняла, что жива Шаска пока только чудом. И что это чудо долго не продержится, недолго девчонке жить осталось. Если сию минуту господин Крытис не явится, то Шаска его в живом виде точно не дождётся.

Я в волнении даже к окну подбежала, выглядывая лекаря.

Из окна открывался вид на весенний сад. Всё-таки в хорошем месте располагался лечебный флигель. От основного здания достаточно далеко, чтобы любопытные малыши не докучали под окнами. И зелень вокруг. Тишина и спокойствие – самое то, чтобы больные выздоравливали побыстрее. А наш Крытис хорошо лечил. Больных в приюте было мало. Разве что я чаще всех бывала его пациенткой.

Только сейчас тишина не успокаивала. Ведь помрёт Шаска, если никто прямо сейчас ей не поможет.

И как назло! Никого! Никто не торопится на помощь... Да и что этот кто-то сделает без лекарских умений?

Я, жалея Шаску, коснулась её руки, от всей души желая ей выздоровления.

Пожелала...

Между моей ладонью и чужой рукой промчалось-протекло что-то, сначала слегка уколов кожу, а потом полыхнуло... Похоже, шарахнуло и меня, и больную.

Что случилось с Шаской, я не то что увидеть, даже подумать о том не успела, потому что сама резко шлёпнулась на пол. Уплывая в беспамятство, ещё успела подумать о том, что в этот раз почему-то не почувствовала приближение зла.

Проверяющий

Очнулась я от звуков чьих-то далёких голосов и ощущения слёз Аришши, что частой каплей обмывали моё лицо.

Надо же! Пока валялась в беспамятстве, Ришша пришла. А разговор, похоже, доносился через открытую форточку с дороги, что вела к флигелю, потому что голос Крытиса сначала далёкий постепенно приближался.

– ... болеет уже несколько лет. Болезнь незаразная, но странная. Лекарства и травы почти бесполезны. Улучшение наступает на какое-то время, но только после вливания магических сил, а потом опять ухудшается без всяких причин.

О! Это Крытис на мои болячки кому-то жалуется. Наверно, опять «совещание» по установке моего диагноза планирует.

– А в последний раз ей как раз доза уплотнённой магии основательно помогла. Нет-нет, девочка – не маг. Уж, дар я бы заметил. Но сами посмотрите!

Станным было то, что я почему-то стала хуже видеть. Лицо Аришши было близко, но смазывалось цветными пятнами. А самым ужасным было то, что у меня едва получалось дышать. Грудь сдавливало изнутри, как при приступах, но намного сильнее. Того гляди задохнусь.

Мало того, очнуться-то я очнулась – слух так вообще обострился – но дёрнуть не могла даже пальцем, и губами пошевелить не получалось. Неужто, уже помираю?

Да нет. Глаза же открыла как-то... и слышу, как в дом два человека вошли. Что двое, распознала по несхожему ритму шагов. Зашелестели юбки... Видать, Аришша бросилась за помощью к лекарю. Так и есть.

– Господин Крытис, Сола... Она умирает!

– Да полно тебе, голубушка. Наша Сола столько раз помирала, но жива до сих пор как-то.

– Она... такого никогда не было, Крытис, – голос девушки звучал испуганно.

– Подожди, а почему Сола? Сказали, с Ишассой беда приключилась.

– Да... Шасса... Я Солу оставила с Шассой, той очень плохо было. И вдруг Шасса пришла. Сама, понимаете? У неё синяки и страшные раны были... Ей очень сильно досталось, фактически умирала. И вдруг является и говорит, что ничего у неё не болит, а Сола на полу лежит как прежде. Крытис! Она даже не шевелится!

– Да что ж у тебя все умирают? Вот мы сейчас с коллегой посмотрим нашу Солу...

– Госпожа Аришшия, – голос другого человека прозвучал вежливо, но отстранённо.

Неожиданно бухнуло, будто что-то большое уронили или кто-то упал, и послышались рыдания Аришши – горькие, исступлённые:

– Калиан, прошу! Помоги-и, помоги ей!.. Ты сможешь! Она умирает, помоги-и...

– Да, конечно, – сухое.

Но в противовес холодному тону чьи-то тёплые руки аккуратно коснулись моей грудины. Очень нежное что-то настойчиво проникало в моё тело, похожее на то, из уплотнённой магии. И ощущения были не такими, как при лечении господина Крытиса. Мягкие. Тело жадно впитывало силу, как сухая губка воду. Магия проникала совсем не грубо, но стремительно и сильно, принося блаженное облегчение.

Дышать! О-ох, как же замечательна простая возможность дышать!

Я плыла на волнах облегчения и радости. Почудилось, будто у меня отросли крылья, и я сейчас взлечу.

Лечу-у!..

– Что-то лишнее я сделал. Вроде бы и порция силы не такая большая, но, видимо, скорость вливания превысил, – красивый голос незнакомца недоумевал. – Такое обычно бывает

при неравномерном усваивании магии. Эй, малышка... девочка... Э-э, Сола, очнись. Лети сюда! Мы здесь! – меня слегка похлопали по щекам.

Я открыла глаза. Надо же! И в глазах прояснилось. На меня взирали три пары глаз – встревоженной Аришши, недоумевающего господина Крытиса и немного виноватый взгляд незнакомого мужчины.

– Извини, малышка, что-то я не рассчитал от неожиданности. Привык со взрослыми людьми управляться, а здесь такая маленькая девочка... Обычно я более аккуратен, – наверно, у этого мага и голос волшебный. В звуки такого голоса так и хотелось завернуться будто в тёплое уютное одеяло.

– Да уж... И последствия скорости налицо.

Не знаю, что там с неведомой скоростью, но мою душу переполняла благодарность за помощь.

Было дело, я как-то подсмотрела, как одна из старших девочек благодарила кастеляншу за конфету. Помнится, госпоже Флош очень понравилось та благодарность, и она дала подлизе-девчонке ещё одно лакомство. А ведь, до того прижимистая кастелянша никого не одаривала два раза подряд.

Я прижала свои ладошки к груди – прямо на то самое место, через которое в меня вливали магию – и, подражая той девочке, воскликнула:

– Ах, господин Коллега, спасибо вам большое! Мне так хорошо стало! Так хорошо!

И узрела три очумелых лица.

– Как? Кха-кха... Как ты меня назвала?

Шепчу:

– Господин Коллега... – и громко возмутилась: – А так вас господин Крытис называл!

Красная как рак, выпрямившись, я сидела на кровати, а вокруг трое взрослых откровенно веселились. Аришша смеялась почти беззвучно, ухватившись за спинку кровати, и плечи её тряслись от сдерживаемого смеха. Господин Крытис, сидя на краю кровати, оглушительно ухал и прихлопывал ладонями по коленям. Незнакомец хохотал в голос.

– Позвольте представиться, юная леди, виконт Калиан Виторий ал Грахиаш, – мужчина плавно и необычно поклонился.

Виконт? Вот это да! Виконт это вам не просто господин, это... Вообще-то, я не знаю, что такое виконт Калиан и так далее. Похоже на имя... А разве имена бывают такие длинные? Да такое никогда не запомнишь, и тем более не выговоришь! Но звучит солидно и длинно.

И выглядит мужчина важно. Может, потому что почти старый? Не такой старый, как лекарь, конечно. Но самые взрослые приютские мальчишки рядом с ним будут глядеться желторотыми пацанятами. И опять же, господин Флош и дядька Васиш явно старше виконта, хотя и не выглядят так значительно. Даже и не знаю, с кем из мужчин сравнить-то. К тому же, виконт – не смотри, что мужчина – а красивый! Прямо, глазам приятно! К нам такие красивые ещё не захаживали.

– А кто тогда Коллега, и где он?

– Так обращаются к человеку со схожими занятиями, – вежливо пояснил виконт Калиан и как-то там дальше. – Например, господин Крытис – лекарь, и я, скажем так, занимаюсь врачеванием. Следовательно, мы коллеги. Потому он так и назвал меня. Мы – лекари и, значит, коллеги. Так понятно, юная леди Сольена?

Хм, интересно.

– Значит, все наши приютские мальчишки – коллеги? И девочки тоже?

– Ха-ха-ха! В некотором роде, да.

Пока мужчины веселились, моя Ришша стояла недвижно с прижатыми к груди руками. Её глаза не отрывались от виконта, лицо девушки резко побледнело. Наверно, тоже любовалась непривычной красотой. А этот виконт на неё даже не смотрел.

– Теперь, маленькая леди, вам следует хорошо покушать. Очень хорошо, например, съесть хлеб с маслом и икрой. В таком состоянии очень полезно.

Аришша с усилием сглотнула, отвела от мужчины глаза и, посмотрев на меня, каким-то странным голосом сказала:

– Да-да, конечно... Большое спасибо, господи! – кашлянула. – Мы с Сольеной пойдём... икру кушать.

Кушать очень хотелось. Не знаю, что такое икра, я сейчас и на цветочные бутоны с яблоневых веток была согласна. Вслед нам донёлся голос лекаря:

– Сияющие с вами, господин виконт. В приюте суп на мясном бульоне только по праздникам дают, а вы икру рекомендуете. И Аришшка...

Что там говорил лекарь об Аришше, мы не услышали, далеко отошли. Девушка спешила, будто хотела сбежать, и тянула меня за собой изо всех сил. Даже подслушать о себе не пожелала.

И что уж говорить!

В результате странного припадка я снова облысела, обзавелась тусклой серой кожей и вновь стала похожа на пугало. А уж похудела так, что кожа теперь тесно обтягивала все кости моего скелета без всякого намёка на мясо. Кажется, я настолько усохла, что даже стала меньше ростом. И куда уж ещё меньше? Только новые зубы, слава Сияющим Сёстрам, каким-то чудом не выпали, но расти, похоже, перестали.

Меня даже мои обидчики теперь не трогали. Говорили, что скоро сама скопычусь. А я и не думала копытиться. Вот ещё! С появлением виконта в приюте стало происходить что-то интересное.

Этот самый виконт ал Грахиаш оказался проверяющим из какого-то важного управления! То, что виконт – не имя, а титул, мне Аришша разъяснила сразу, как только мы вышли от лекарей. И титул довольно-таки значительный как, впрочем, и должность проверяющего.

Как и опасался лекарь, проверку назначили после исчезновения выданного ему по ошибке камня с уплотнённой магией. А для господина Флоша очень неприятной неожиданностью оказалось то, что виконт ал Грахиаш не ограничился разбирательством в лекарской. Он затребовал документы по всему приюту, и принялся проверять и расспрашивать всех и обо всём подряд.

К досаде господина Флоша у проверяющего было разрешение и на ревизию хозяйственной деятельности всех служб приюта. Об этом между собой шушукались работники. Да разве ж пересуды и новости как-то минуют детские уши?! Тем более такие интересные. Событий с проверкой в нашем приюте ещё не было.

А для меня новостью стало то, что виконтом заинтересовались некоторые из старших девочек. Им-то он зачем вдруг понадобился?

Когда я вслух этому подивилась, одна из таких заинтересованных, не чинясь, прямо так и пояснила:

– Дура ты, Чукра! Проверяющий – мужчина молодой, холостой и красивый. Да к тому же богатый и благородный дворянин! Титул имеет. Даже если не женится, то у такого и любовницей стать не зазорно.

– Чего? Ты, Кузя, любовницей?

С этаким стороны рассмотреть пребывание виконта в нашем приюте я никогда бы не додумалась.

– А чего? Я хорошенькая! – заносчиво фыркнула юная красотка. – А от молодой и красивой любовницы ещё никто из мужчин не отказывался. И виконт кого-нибудь выберет, а я уж постараюсь себя показать, – и тут же посетовала: – Мне ж уже тринадцать исполнилось, и этим летом меня точно попрут из приюта. Вот и думаю. Быть любовницей виконта всяко лучше, чем на улице оказаться.

В том, что её попрут, Кузара была права. Имена детей, достигших тринадцати лет, при обновлении списков вычёркивались из них летом каждого года.

Выпускникам выдавали новую одежду, вручали по горстке монет, сытно кормили обедом в последний раз и с напутствиями выставляли за ворота приюта. Иди куда хочешь... делай что хочешь... Ну, и выживай как получится.

И вроде бы правильно Кузя рассуждала, планируя своё будущее. Но что-то в её рассуждениях царапало меня некоей неправильностью. А уж следующие её доводы возмутили до глубины души.

– Виконт потому и ходит повсюду, всё расспрашивает да присматривается. Я тебе точно скажу – любовницу выбирает! Ведь не уезжает же и почему-то задержался у нас. Ну, не из-за старой же девы госпожи Аришши, и не из-за старухи кухарки или толстой госпожи Флош. Ха-ха-ха!

Конечно, я была пристрастна. Ведь Кузя задела не кого-нибудь, а мою Ришшу. Приравняла её к старой кухарке и, даже хуже того, к противной толстухе госпоже Флош. И вообще... не оценила.

И я возмутилась:

– И ничего Аришша не старая, а очень даже красивая!

Мои аргументы терпели поражение.

– Да ей за двадцать уже! Конечно, старая! Тощая как палка. И вечно замученная. И на лбу уже морщина появилась. А одета... Жуть! Да наши обноски и то новее её платья будут! Заплата на заплатке. Кто на неё позарится? – претендентка в виконтовы любовницы презрительно и смачно сплюнула себе под ноги.

Ух, так бы и стукнула болтушку! Да только нисколько не сомневаюсь, что мне же и прилетит в ответ с довеском. Эта Кузя даже ростом была в два раза выше меня. А уж после приютской постирочной руки у всех старших девчонок с годами становились хваткими и крепкими. По всему выходило, что мои доводы и на словах, и физически проигрывали Кузе.

Я же только сейчас невольно сравнила мою Ришшу с красивыми ухоженными девушками, что гуляли по дороге за забором приюта. Сравнила и с нашими замороженными кокетками, что втихую от наставниц обводили глаза углём, а мелом старательно замазывали прыщи на мордашках.

На мой взгляд, Аришша была очень красива. Её огромные тёмные глаза взирали на мир с лёгкой тревогой и, тем не менее, были чудесны. Белая кожа ровная и бархатистая. Аккуратный нос. Губы, конечно, бледноваты, но зато улыбка расчудесная – моментально превращающая неяркое лицо в сказочно притягательный лик. Только больно редко Ришша улыбалась. Разве что мне и малышам те улыбки перепадали. Ну, и худая она совсем, конечно... и почти всегда почему-то чуть грустная, даже печальная. М-да, и платье...

И всё равно! Моя Ришша в тыщу раз красивее этих – в шикарных платьях да с разрисованными лицами. Эх, да что там!

За Аришшу стало обидно.

И на правах довольно близкой знакомой виконта я решила напрямую донести до него все преимущества Аришши перед другими девушками.

К счастью или несчастью, виконт ал Грахиаш довольно быстро нашёлся в лекарском флигеле. Он сидел в кабинете Крытиса, обложившись бумагами.

Я решила не кружить вокруг да около и, недолго думая, сразу заявила напрямик:

– Знаешь, господин виконт, Аришша ведь хорошая!

– ...

– Она, вообще, лучше всех! Правда, правда! А худая, потому что свою еду мне отдаёт. И платья у неё красивого нет, потому что все деньги мне на еду тратит. Я после припадков страсть как жрать хочу. И вовсе она не старая дева! И уж получше некоторых будет...

– Пойдите-ка, юная леди! – мужчина выставил ладонь вперёд. – Я что-то вас не совсем понимаю. Вернее, совсем не понимаю. С какой стати вы вдруг заговорили о госпоже Аришше и её достоинствах?

– Ну, как же? Девчонки говорят, ты не уезжаешь, потому что любовницу выбираешь. Молодую и красивую. А ещё говорят, что Аришша старая дева. А она не старая и очень даже красивая!

– Стоп! Как я вас понял, среди обитателей приюта сложилось мнение, что я здесь задержался, чтобы выбрать себе любовницу? Так?

– Ну да...

– Не расследовать растраты, махинации и прочие преступления, творимые в этом благословенном заведении, а, именно, выбрать себе любовницу?

– Угу. Наверно...

– Хм... И вы, леди Сольена, настолько восхищены достоинствами госпожи Аришши, что от всей души желаете для неё участи моей любовницы? И часто вы предлагаете её услуги другим господам?

– Да! Нет!.. Ничего я не предлагаю! А ты... вы... всё равно, Аришша самая хорошая, – с этими словами я злая и раскрасневшаяся выскочила из лекарского флигеля и убежала в сад, чтобы в укромном уголке обдумать, чего же такого я сдуру наговорила.

И почему намерение, поначалу казавшееся таким благородным, в результате разговора с виконтом стало выглядеть жутко глупым? Подумав, я решила никому не рассказывать о разговоре с господином ал Грахиашем. Что-то смутное подсказывало мне, что Ришша не обрадуется моим хлопотам о её судьбе. Вот и нечего её волновать! Уверена, что и мужчина нигде не станет упоминать столь глупый разговор.

На следующий день проверяющий виконт Калиан Виторий ал Грахиаш покинул наш приют.

Ещё через неделю пришло предписание, завизированное герцогом – всему приюту на некоторое время срочно переехать в одну из пустующих усадеб, находящихся на балансе казны Озёрного края.

Не знаю я, что такое баланс. Но по разговорам старших поняла, что в здании нашего приюта предписывалось сделать ремонт, потому и перевозили нас на время в тот самый баланс. Это она

Баланс оказался очень красивым и большущим домом в окружении просторного парка-сада. Но наставники называли это место усадьбой. Мне было без разницы, чем было наше новое пристанище – баланс или усадьба. Главное, что там было здорово.

После получения предписания всех обитателей приюта умудрились в течение трёх дней перевезти в указанную усадьбу. А ведь это не близко.

Если приют находился в северном пригороде столицы, то усадьба, по какому-то недоразумению оставшаяся без хозяина, располагалась в южной стороне, совсем рядом со старым дворцом нашего правителя. К слову, старый дворец, по слухам, редко пустовал, в нём часто кто-нибудь гостил.

Переезд изменил уклад и в работе приюта. Слуги, работающие в усадьбе, остались на своих местах и вместе с нашей кухаркой и дядькой Васишем переключились на обслуживание детей.

С ума сойти! Нам теперь не нужно было самим стирать. В многочисленных просторных и роскошных комнатах мыли полы и вытирали пыль местные слуги.

А уж про кухню и говорить нечего! На местной кухне, говорят, нашу кухарку даже к плите не допустили. Главный кухарь ей только овощи чистить позволял. Ну, и кормили нас теперь вкусно и много. Мясо давали каждый день. И меня перестал мучить голод, хотя пока не потолстела как некоторые.

Из всех обязанностей нам только и осталось, что за малышами помогать присматривать. Вот счастье-то!

Без дела слонялась и кастелянша. Никто её к местным простыням не допускал. Но госпожа Флош не печалилась, целыми днями сидела в беседке и по своему обыкновению пила чай с конфетами.

А дочка Флошев ходила важная и всех уверяла, что это её отец хлопотал перед королём, чтобы нас в усадьбу допустили. Хотя все хорошо знали, что это виконт-проверяющий провернул наш переезд. Сам же господин Флош ходил надутый и чего-то не очень радовался проживанию в роскошных комнатах.

Кстати, этот самый виконт Калиан Виторий ал Грахиаш – я всё-таки выучила его полное имя – приезжал с какими-то вопросами к заведующему. Заодно обошёл почти всех знакомых, приветствуя. А ко мне подошёл одной из первых, поинтересовался:

– Как ты себя чувствуешь, леди Сольена?

– Почти хорошо.

– Почти?

– Почему ты не захотел дать мне побольше магии? Сколько в блестящем камешке было? Видишь, у меня волос почти нету. Я будто и не девочка даже.

– Волосы уже пробиваются. И густые. Значит, твоя сила понемногу восстанавливается естественным образом. Это очень важно, чтобы ты восстанавливалась сама, а не от вливания магии со стороны. А ты, Сола, определённо, маг. Потом, когда я закончу с этим расследованием, мы с тобой выясним, что происходит с твоей силой.

Я, взбудораженная перспективой оказаться магом, увязалась за виконтом, с любопытством расспрашивая о магии. Сопровождала его во всех передвижениях по усадьбе и даже проводила до кареты, на которой он уехал в Жымчург.

Странно, что, здороваясь со всеми встречными и переговорив с некоторыми нужными ему людьми, виконт прошёл мимо Аришши, будто не заметив её. Девушка тоже отвернулась, хотя я углядела, как она украдкой время от времени посматривала на мужчину.

Я недоумевала. Что же такое произошло между виконтом и моей Ришшей, что они так крепко невзлюбили друг друга? И когда успели-то?

Недолго думая, спросила Аришшу. Только девушка не стала отвечать, а усадила меня вместе с другими детьми слушать, как одна из наставниц читает вслух книгу. Книга оказалась интересной и рассказывала историю нашей страны и немножко о соседних.

Всё-таки странно именуется наша столица Жымчург. Не по человечески. И оказалось, что раньше на месте нашей столицы располагалось небольшое селение орков Уржым-Чурга на берегу одноимённого озера необыкновенной красоты. В переводе с оркского Сверкающая Чаша.

Орки давно ушли с нашей земли, на месте маленького селения отстроился большой город, а название так и осталось прежним. Но люди на свой лад переделали Уржым-Чургу на Жымчург. А озеро теперь находится в самом центре города и носит то же самое имя, но уже на человеческом языке – Сверкающая Чаша. Недаром у него такое громкое имя. Маги утверждают, что рядом с этим озером потоки магии очень интенсивные, почти как у знаменитой Скалы Сияния, что находится в соседнем Осияне. Да и названия у озера и скалы схожие...

Магия меня интересовала, и я даже увлеклась историей из книжки. Потому немного послушала и не сразу удрала, как в последнее время делала в мало-мальски свободное время.

А убежала я на границу усадьбы и парка, прилегающего к старому герцогскому дворцу. Там росло дерево, с которым я подружилась. Понятно, что дерево было волшебным. Стала бы я дружить с обыкновенным.

Это дерево я обнаружила, шатаясь как и другие любопытствующие вдоль железной ограды, что отделяла наше поместье от территории герцогского дворца. По сути, самого дворца

даже не было видно за огромными парковыми деревьями. Но всё равно все исправно глазели в том направлении, куда указали местные слуги. Пытались рассмотреть жутко важных гостей герцога.

Впрочем, сейчас неправильно было называть герцога герцогом, потому что свежим указом наше герцогство Озёрного края было провозглашено Королевством Аграннар. Звучало, всяко, красивее простого Озёрного края. А с оркского Аграннар переводился как Богом Благословлённый. Причём тут бог, да ещё оркский, никто толком пояснить не мог.

По этому поводу понятнее всех рассуждал дядька Васиш:

– Вишь, завидно нашим-то, что соседнее княжество Осияном зовут. Сияющее, значит... И дракон у них, и скала предсказательная, и князь границы держит. И никто им не указ. Завидно! Наших герцогских дочек ни князь, ни дракон ихний замуж брать не хотят. А потому герцогство королевством объявили. Заметь, не княжество какое-то... Целое королевство!.. И чего там какое-то сияющее? Мы, сталбыть, чуть не божественные теперь. Ага, оркским божком стукнутые... И дочки теперь не герцогские, а целые королевские. Королевишны!.. Принцессы, по-правильному говоря, – и подводил итог: – И дурость этакая политикой называется. Тьфу!

И я солидарно плевалась:

– Ага. Тьфу на политику!

Вот таким образом, интересуясь королевскими гостями, я набрела на моё дерево. Конечно, моё! И чуть-чуть Ришшино. Потому что с другими оно общаться не пожелало.

Ну, как общаться?..

Шла я вдоль забора, что отделял «нашу» усадьбу от королевского парка, шла. А забор тот длинющий-предлинющий. По словам местных, нашу-то усадьбу за полдня едва обойдёшь, а дворцовый парк раз в двадцать больше будет. Понятно, что королевские гости через такое огромное пространство вряд ли забредут к ограде, а потому и высматривать их тут незачем.

Но почему-то думалось, что раз за железным забором королевский парк, то и трава там не такая, как по эту сторону. И листья на кустах и деревьях, наверно, не обычные, а какие-нибудь особенные. Это ж не простой парк, королевский! Потому пощупать хотелось хоть чего-нибудь, проверить, сравнить.

Только дотянуться хоть до травинки, хоть до листика по ту сторону не получалось. Тонкий ажур ограды, казалось, гудел от чего-то светящегося, что вилося и сверкало меж металлических прутьев. Страшно! А вдруг обожжёт? Может, магия какая-то?

Правда, девчонки во главе с Шаской как всегда меня обсмеяли. За сверкающий свет. Сказали, ограда как ограда. Не светится и не гудит.

Посмеялись, но обижать, по обыкновению, не стали. После того случая, когда Шаска ни с того ни с сего вдруг выздоровела, она перестала меня мучить и другим не давала. Разве что вот так зубоскалила по привычке.

А вот с тем, что забор под магическим заклятьем, девчонки со мной согласились – им это кто-то знающий подсказал. Может, и наставницы об этом знали, ведь пытались же запретить детям ходить в сторону дворца. Да кто ж послушает? От запретов ещё интереснее стало.

Недоумеая, почему свет только мне мерещится, так и брела вдоль дворцовой ограды, разглядывая то самое, что лишь мне чудится. И вдруг усмотрела, как по какому-то дереву на дворцовой стороне тоже свет переливается. Другие-то деревья как деревья. Стоят себе смиренно, как положено, ветками машут под ветерком. А это светится. И свет другой – не такой как по ограде.

На железе-то переливался свет злой, пугающий. До него и дотронуться было боязно. А от дерева теплом веяло. К нему так и тянуло... Вот, как пчелу к цветку яблони. Сколько не гоняй ту пчелу от цветка, не отваживай, а она как привязанная вокруг крутиться будет.

Дерево это росло сразу за железной оградой. Хорошо, что не где-нибудь в глубине парка, а то я не разглядела бы его за другими деревьями. И тянулось оно не только вверх, но и вширь.

Какие-то ветки раскинулись над самым краем забора и даже свешивались на нашу сторону. Если б не защита, то я даже смогла бы дотянуться, потрогать.

А сияние манило.

Заворожённая тёплым светом я шагнула к ограде. Слишком близко. И сгорела б в злом огне, как пить дать, если бы не само волшебное дерево. Гибкие ветки вдруг опустились чуть не до земли и схватили меня в охапку, утянув наверх мимо магического заслона.

Я даже пикнуть не успела, как оказалась на высоте. Не завизжала, потому что горло с перепугу перехватило. А ну-ка, одним махом с земли чуть не до самой верхушки дерева сигануть!

Да и дерево, скажу я, оказалось громадным! И ведь не на самую вершину угодила. А всё равно, со своего места макушки соседних деревьев рассмотрела. Да чего там соседних. Верхушки всех окрестных деревьев зелёным ковром растянулись до далёких башен дворца. И не было среди них такого, которое доросло хотя бы вровень с той веткой, на которой я сидела.

Ясно дело, неожиданно оказавшись в вышине, я поначалу опешила и перепугалась. Но сказала привычка лазания по приютским яблоням. Боялась я недолго. И поначалу решила, что сработала какая-нибудь охранная магическая штукавина. Всё ж, успела я чего-то выпросить про магию у виконта ал Грахиаша.

А потом дерево чуть качнуло мою ветку, мелкие веточки пришли в движение и аккуратно развернули меня так, что я соскользнула на большую ветку пониже, а там на следующую. И так почти до самого низа.

Хах! И глазом не успела моргнуть, как плавно и быстро спустилась почти до самой земли. Только примерилась было на землю ступить, а веточки меня тем же макаром уже снизу вверх подняли. Чутко подержали наверху и опять вниз спустили.

Забавно, конечно, на ветках качаться, но я всё ж опасалась неведомого и возмутилась:

– Эй! Хватит меня качать! Голова уже кругом идёт.

И дерево послушно остановилось, перехватило меня на лету и бережно придержало ветками. Я сидела на толстом суку слегка оглушённая и ошарашенная происходящим. Сидела и осматривалась, держась за соседнюю ветку. А та ещё и загнулась, чтобы мне удобнее было держаться.

Это я в первый раз так растерялась. А впоследствии уже поняла, что моё чудесное дерево никогда не даст мне упасть. Оно всегда незаметно поддерживало меня и страховало со всех сторон, как бы я ни вертелась и не прыгала.

А в тот первый день знакомства я очумело осматривалась вокруг, дивясь странному приключению и неожиданному виду на далёкий королевский дворец. И не сразу заметила, что напротив меня сверху свесились две ветки.

Однако в какой-то момент почувствовала, что меня рассматривают. И, похоже, как раз теми самыми ветками. Ну, и я вытаращилась на них, пытаюсь определить, чем же дерево смотрит.

Не было там глаз!

Самые настоящие ветки с листьями – и ничего необычного. Разве что гибкие чересчур и... смотрят. Не понятно чем, но ведь глядят и... кажется, хмурятся.

Не знаю, как я это угадала. Листья что ли как-то сморщились?..

И чего ему не нравится? Само же меня затащило на верхотуру да ещё и недовольно.

Неожиданно откуда-то выскочила ярко-рыжая пушистая белка. И засуетилась. Притащила какой-то незнакомый плод и кинула мне на колени.

Это чего? Она меня так угощает?

Ого! С новым приключением я про еду совсем забыла и полдник пропустила. И это я-то, вечно голодная! Правда, здесь в усадьбе, хоть и наедалась, но по старой памяти не пропускала положенные завтраки, обеды, ужины и дополнительные полдники. И съедала всё до крошечки.

И если добавку давали, не отказывалась, даже если была сытой. Мало ли, а вдруг перестанут так много и вкусно кормить?

А тут на тебе, полдник пропустила. Во, как увлеклась!

Хм, а зверушка какая-то странная. И не понять сразу, что в ней не так. Но от белкиного угощения я не отказалась. Похоже, дереву мой заморённый вид не нравился.

Неведомый фрукт оказался, мало того, что вкусный, так и сытный. Я его весь съела и крупную косточку, похожую на орех, облизала. Эту косточку белка у меня перехватила и моментом разгрызла, вручив уже цельное ядрышко, тоже оказавшееся очень вкусным.

Этой заботой странная белка буквально поразила. Уж больно напомнила в этот момент мою Аришшу. Та тоже, если выпадало время, вокруг меня хлопотала схожим образом. Наверно, так мамы заботятся о своих детках. Я бы так и воспринимала Ришшу своей мамой, но она сама не раз рассказывала ту самую историю, как меня ей отдали. Эх! Я б не отказалась от такой мамы...

Вот так я повстречалась с волшебным деревом. И старалась как можно чаще к нему сбегать. Сначала из любопытства, а потом... наверно, привязалась к нему. Очень привязалась.

Эх, сколько счастливых минут и часов мы провели вместе с чудесным деревом. Дерево никуда не спешило по делам, никто его не дёргал, отвлекая. Оно ждало меня с нетерпением и радостно подхватывало ветками при встрече, высоко подкидывало вверх и неизменно бережно ловило в «деревянные» объятия.

Скоро стало понятно, что белка живёт на этом же дереве и никуда с него не уходит. Позже, став взрослее, я буду задаваться вопросом столь нетипичным поведением зверька. Но тогда голову восьмилетней девчонки не посещали никакие сомнения.

Дерево было замечательным и непритязательным другом.

Оно играло со мной, кормило невиданными плодами и баюкало в своих объятиях. Радовалось моему смеху и переживало, шелестя листьями, когда я в порыве откровенности рассказывала ему о своей жизни.

Я рассказала ему про маму. И, конечно, про мою замечательную Аришшу. Про спрятавшееся в приюте зло, которое насылает на меня болезни, и доброго лекаря Крытиса, который раз за разом вытягивал меня. Про виконта, который пообещал разобраться с моей магией. Начала жаловаться на Шаску, но когда дерево грозно зашумело и возмущённо задрожало листьями, постаралась успокоить его, пояснив, что Шаска исправилась и перестала меня обижать.

Несмотря на то, что вроде бы хозяйственные заботы разгрузили нашу жизнь в усадьбе, хлопот у Аришши только прибавилось. Это в приюте значительная часть хозяйственных работ лежала на плечах детей, отнимая у них много сил и занимая почти весь день. Теперь же, когда появилось много свободного времени, детей следовало чем-то занять. А интересы малышей и почти взрослых детей очень разнились. Тем более что приютские – это дети уличных подворотен, и многие из них ещё хорошо помнили эту самую жизнь на улице.

Тут же появились из ниоткуда ножички и рогатки. А среди девчонок пошли гулять непристойные рассказы про Корряву Счастливую Блудницу. Оказывается, тема походов Счастливой Блудницы очень популярна в столичных трущобах.

Следовало отвлечь детей от пагубных занятий и разговоров. И Аришша выбивалась из сил, стараясь придумать и организовать досуг детей разного возраста. Она устраивала игры, соревнования, конкурсы и даже организовала уроки, где детей обучали грамоте и счёту.

И если играть и соревноваться нравилось почти всем, то желающих учиться было меньше. Эти нежелающие ворчали, что грамотность им в жизни совсем не пригодится, и норовили сбежать с уроков. Вот и я была такой прогульщицей. Только мои причины были другими.

Мне нравилось учиться читать. Аришша и раньше иногда мне показывала буквы, обычно во время выхаживания меня после приступов злой болезни. Сбегала же я потому, что мне до зуда хотелось как можно чаще и дольше побыть с деревом. Тёплый свет, по-прежнему разли-

чаемый моим взором, был тому причиной или игры и забота? Не знаю. Под кроной исполина мне было уютно, как... с мамой.

Я рассудила, что читать и считать всегда успею научиться. А вот с деревом-другом, если нас увезут обратно в приют, вряд ли ещё когда увижусь.

Что-что, а вот это запомнилось, как виконт предупредил, что нас переселили только на время ремонта. А невеликий жизненный опыт подсказывал, что такой счастливый случай с заселением в богатую пустующую усадьбу вряд ли повторится. И навестить дерево в королевском парке приютскую девчонку не пустят.

Все – и местные слуги, и наши наставники – неустанно твердили, что нам, почти трущобной бедноте, несказанно повезло пожить несколько недель в роскошной усадьбе, куда не каждого богача пригласят погостить. Да что богача! В такую усадьбу, почти дворец, да рядом с одной из королевских резиденций, простым слугой устроиться почти невозможно. А тут, гляди-ка, приютская босота!

– Никак, наш Абистер, – дядька Васиш для удобства произношения укорачивал имя короля Абистильририра, – вина дюже кислого наклюкался. Видать, животом мучился, а потому, чтобы не мешались ему советники всякие, подмахнул бумаги, не глядя. Ничо! – грозился палкой мальчишкам с рогатками. – Вот как доложат ему, как какие-то поганцы в его околоте птиц перестреляли, вмиг прикажет гнать в шею приютское отребье!

Потому-то я не строила иллюзий о долговременном общении с новым другом и, не желая терять время, почти все дни напролёт проводила с деревом.

Конечно, мои отлучки в сторону опасной ограды, находящейся под защитной магией, не остались тайной. Меня вскоре выследили и наябедничали наставникам о нарушении запрета. Но ещё раньше, чтобы Ришша не волновалась, я сама привела её к дереву познакомиться.

Свободное время у девушки появилось только вечером, когда усталых, набегавшихся за день малышей уложили спать. Старшие дети оставались под приглядом других наставников, и задёрганная Ришша наконец-то согласилась пойти со мной в парк.

Девушка шла и косилась в сторону ажурной ограды. Кажется, Аришшу тоже пугали ужасы о сгоревших нарушителях границ королевской обители, рассказываемые местным людом. Или...

– Ришша, а тебе не кажется, что забор светится?

– Светится? Нет, я не вижу никакого свечения, но... – поёжилась, – силу магии ощущаю. Я же дочь оборотня, но сама простой человек как и мама. Сильную магию и простые люди чувствуют. А я чувствую чуть острее, чем остальные. Наверно, кровь оборотня всё-таки скаывается. А ты разве что-то ещё видишь?

– Ага. От забора свет злой идёт, а от моего дерева хороший, добрый, – и не удержалась, упрекнула старшую подругу: – А ты не говорила, что наполовину оборотень.

– Дочь оборотня, – поправила Аришша. – Я даже не маг. А не говорила... просто, к слову не пришлось. Это дерево?

Вот. Не маг, и света не видит, а дерево сразу угадала.

Аришша встала в трёх шагах от забора там, где свешивались ветки моего дерева, и задрала голову вверх. Сгустившиеся сумерки ещё позволяли что-то рассмотреть.

И дерево тут же опустило свои ветви чуть не до земли, как обычно делало при моём появлении. Только в этот раз подхватывать и закидывать наверх не стало. Вместо этого на Аришшино плечо по ветке спустилась рыжая белка. Аришша развернула голову, чтобы рассмотреть бесцеремонную гостью, да так и замерла.

Ришша и белка смотрели друг на друга и смотрели. И, кажется, не собирались больше ничего делать. Мне вскоре надоело ждать, когда зверёк и девушка насмотрятся друг на друга, и я затеребила руку подруги.

– Ришша, как тебе? Скажи, дерево же хорошее? Это мой друг. Тебе он нравится?

Девушка медленно, будто стряхнув сонную одурь, повернулась лицом ко мне, задумчиво улыбнулась:

– Не он... Это она.

Правильное имя

– Ришша, а как ты догадалась, что моё дерево – девочка?

– Кхм... Да, большая такая девочка, – улыбнулась девушка. – Не знаю, как поняла. Наверно, опять наследство оборотней. Они-то такое сразу угадывают. А ты обратила внимание, какая необычная белка живёт на твоём дереве? В два раза больше обычной.

Я недоумённо пожала плечами:

– Я белку только на картинке в книге видела. В той самой, по которой ты сказки малышам читаешь. А что, разве белки другие?

– Я совсем забыла, что ты у меня даже в лесу никогда не была... А белки обычно меньше размером. Примерно, с двухмесячного котёнка. И не такие ярко-рыжие. Скорее сероватые. А у этой ещё и глаза зелёные. И мех в сумерках почему-то зеленью отливают.

– Какие же тогда глаза у белок? А мех у неё, и вправду, с зеленью. На солнышке искорки зелёные так и сверкают. Красиво.

– Глаза у них как чёрные или коричневые бусины. А о зеленоглазых белках я никогда не слышала. Хм... Я только сейчас вспомнила. Судя по размерам, белка должна была быть тяжёленькой. Хотя бы как кошка. Но когда она прыгнула мне на плечо, то почти ничего не весила. Тёплая была. Да. Но плечу тяжело не было. Так... чуть ощущалась. Больше теплом и пушистым мехом. Да ещё эти её глаза меня заморозили.

Действительно, белка была очень уж странной для обычного зверька. А дерево...

– Мне отец об элификах рассказывал. Знаешь, когда дриада умирает, то её душа обретает вторую жизнь в дереве. Ни одна раса не может такое сотворить. Только дриадам удаётся прожить вторую жизнь. И твоё дерево очень уж похоже на дерево элифика.

– Так значит, мой друг... то есть, подруга волшебная! – восторгалась я.

– Я говорю, похоже. Но элифики всё равно в своём теле находятся. Живут в дереве, но выглядят как люди. И разговаривают. А ты говоришь, что там только дерево и белка?

– Да, дерево и белка. Больше никого. Другие деревья есть, но они нормальные, то есть обычные.

– Вот! Не может быть белка элификом. Она же не дриада.

Итогом наших рассуждений стали два вывода.

Во-первых. Пара дерево-белка, безусловно, магического происхождения. Правда, непонятно какого. Спросить об этом стоило у знакомого мага, каким мы назначили господина Крытиса.

Я, было, предложила кандидатуру Грахиаша, но Ришша резко погрузилась при упоминании виконта, и я не стала настаивать. Крытис так Крытис. Правда, пока старый лекарь оставался в Синезёрске под следствием. И чего он там делал? Под этим следствием?..

А согласно второму выводу дерево и белка были признаны безобидными, и мне не забранялось с ними дружить. И Ришша, и я пришли к такому выводу, ориентируясь исключительно на свои ощущения. Как показали более поздние события, многие люди поспешили бы с нами по этому поводу.

После знакомства с деревом Ришша почти каждый вечер стала приходить за мной, потому что я повадилась задерживаться на королевской стороне до ночи. И каждый раз у Ришши с деревом повторялась один и тот же ритуал. Ветви опускались на плечи девушки, и она замирала в такой позе на несколько минут. Потом дерево переправляло меня к ней через ограду.

А после Ришша становилась... счастливой. Просто я никак не могу назвать по-другому её состояние. Из глаз девушки уходила тревожность, и на лице появлялась расслабленная улыбка.

Так получилось, что в какой-то момент я научилась справляться со своим зрением. Все свои восемь лет я взирала на мир обыкновенно, как все простые люди, но теперь при желании могла вызвать у себя новое умение – видеть волшебный свет.

Рассказывать об этом кому-то было бесполезно, потому что верила мне только Аришша, но объяснить это моё умение не смогла. Кажется, подозревала очередную мою ненормальность, но смиренно её принимала, чем возмущала других людей.

Уж они-то, эти другие, всласть обсмеивали мои причуды – обжорство, лысую голову, а теперь вот ещё и способность видеть свет.

Лирая, Флошева дочка, тоже пыталась насмешничать, ехидно щуригла:

– Ты, Чукра, наверно, Сияющих Сестёр увидела? – её подхалимы услужливо хихикали, хотя ничего умного или смешного сказано не было.

Лирая изо всех сил пыталась казаться важной. Как же, дочь заведующего и кастелянши! Не какая-то презренная сирота с улицы. Только, как ни пыжилась, не получалось у неё быть по-настоящему колючей. Так, чтобы одним словом зацепить и обидеть. Вот у Шаски, Кузи и их подруг это получалось. Наверно, потому что в детстве они как раз «хлебнули» жизни на улице.

Из-за чужого недопонимания и насмешек я перестала кому-либо рассказывать о себе. Но иногда осматривалась вокруг «новым» зрением.

Поначалу не находила ничего светящегося, кроме моего дерева и ограждения королевского парка. Но потом в одно из очередных посещений виконта ал Грахиаша рассмотрела в нём светящуюся паутину. Но, помня про реакцию окружающих, на этот раз не стала ему докучать своими странностями.

К слову, у окружающих никаких паутинок не просматривалось. Может, магия так светится? Эх, на Крытиса посмотреть бы.

А потом я «посмотрела» на Аришшу.

Аришша тоже светилась, но неправильно. Если у проверяющего паутина была цельной, напоминая крепко сплетённую сетку, то у Ришши эта паутина была хорошо подрана. Можно сказать, в ошмётки. Что-то мне подсказывало, что такое её состояние не совсем правильно.

Хотя... что я сама-то знаю? Я даже не ведаю, правильно ли то, что вижу этот свет. Может, правы как раз те, что смеются надо мной. И чтобы не расстраивать подругу, я не стала ей рассказывать про разодранную паутинку.

Но вот ещё одна странность. Когда дерево опускало свои ветки на Аришшины плечи, волшебный свет буквально стекал с листьев ей на голову и спину. И обрывки паутины внутри девушки разгорались и начинали тянуться друг к другу концами. Даже в паре мест срослись. Вроде всего ничего, а у Ришши будто тугая пружина внутри чуть ослабла.

На мои расспросы Аришша лишь пожимала плечами и отвечала, что просто здоровалась с деревом и ощущала только ласковое тепло.

В какой-то момент я решила, что моей волшебной подружке следует дать имя. Как-то неловко называть живое существо деревом. И дерево, и белка горячо согласились со мной и с энтузиазмом включились в игру «выбери имя дереву». И, похоже, я их разочаровала.

Ни одно из предложенных имён паре волшебных существ не нравилось. Вот привереды!

Я проговаривала имена, иногда комментируя:

– Кузара – хорошее имя. И девчонка с этим именем красивая. Вредная, правда...

Дереву не нравилось, оно возмущённо шелестело и в порыве запальчивости иногда довольно ощутимо дёргало ветками. Белка выражала эмоции активнее. Негодуя цокала, нервно металась вокруг меня и как заведённая прыгала по веткам. Ну, на то она и белка, чтобы прыгать.

И чего им не нравилось? Я ведь перечислила имена всех наших приютских девчонок и женщин, работающих у нас. И ещё малую толику других, которые мне приходилось слышать. Даже Корриву Счастливую Блудницу припомнила. На имени блудницы белка зашла в особо

негодующем цоканье, а дерево так дёрнуло веткой, на которой я сидела, что невольно сбросило меня. Правда, тут же подхватило, не дав шлёпнуться на землю.

Лишь на имени Аришши дерево с белкой слегка затихли, но я чувствовала – это не то, что им нужно. Что-то похожее, но не то. В результате, я совсем заморочено выдала вариант:

– Ари...

И это короткое имя вдруг устроило и белку, и дерево. Уф! На Ари откликнулись оба – зверёк и дерево – не путались и всегда правильно определяли, к кому из них я обращаюсь.

С Ари я проводила время с утра после завтрака с приютскими почти до самой ночи. До той поры, пока Ришша не придёт за мной.

Я даже перестала уходить в усадьбу на обед и полдник. А зачем? Меня и белка кормила до отвала. Разными плодами, орехами и ягодами. Откуда она их брала, было непонятно. А наедалась я от пуза! До икоты.

Чувство сытости было непривычным. И после полуденной еды меня, бывало, клонило в сон. Дерево и белка чутко улавливали моё состояние и укладывали тут же на удобную и мягкую лежанку, в которую сплетались ветки дерева.

Провела-то я в этакой праздности всего лишь три дня, но вдруг ощутила, что наливаюсь какой-то силой. И зеркало в усадьбе откликнулось, показывая, что я меняюсь и внешне.

Конечно, другие тоже заметили очередные изменения в моём облике. Аришша радовалась, приглаживая мои отросшие волосы. А дядька Васиш как-то раз одобрительно хлопнул меня по спине:

– Смотри-ка, Солка, да ты подросла на здешних харчах. И на человека опять стала похожа, – мимоходом намекнул на мою временную «красивость» после того, как я «съела» уплотнённую магию. Признался: – Да чего уж? Мне тут тоже больше нравится. Кормят хорошо, и работы в разы меньше, – и тут же непонятно предупредил: – Только помяни моё слово, Солка, ничего хорошего просто так не дадут. Тем более, наш герцог-король...

Мальчишки опять стали звать меня играть в разбойников и в прятки. Только теперь я предпочитала проводить время с моими двумя Ари.

Именно то, что я упрямо не слезала с дерева до самого последнего момента, вынуждая Аришшу каждый вечер приходить за мной, предотвратило беду, которая случись, ещё неизвестно как повлияла бы на жизнь королевского семейства, а то и всей страны.

Принц настоящий

В последние дни наши приютские возбуждённо обсуждали новость, которой поделились местные слуги, активно общающиеся с дворцовой службой. Старый дворец посетил королевский сын со своими друзьями.

Увидеть королевского наследника и его друзей хотелось всем. Особенно, девчонкам. А Кузара загорелась идеей понравиться самому принцу. И теперь большинство приютских, исключая самых маленьких, торчали или слонялись у магического забора с утра до вечера, пытаясь увидеть высокопоставленных гостей.

Только королевских гостей совершенно не интересовала соседняя усадьба «на балансе казны», а тем более невзрачные приютские девчонки в обносках. Сдались они им!

Роскошно одетые холёные юноши учтиво обхаживали нежных красавиц в ослепительных одеждах, прежде мною никогда невиданных. Убедиться в этом я смогла, потому что наивно поделилась с деревом мечтой приютских девчонок увидеть принца. Конечно, мне тоже было любопытно взглянуть на королевского отпрыска.

Оказалось, что почти совсем рядом с деревом пролегла конная тропа, по которой высокородные юнцы и их спутницы довольно часто проезжали на лошадях. От забора тропу отделяли деревья, кусты и магическая защита. Потому приютские, находясь по другую сторону ограды, не могли ничего рассмотреть и услышать.

Ари же без возражений помогла мне, протянув мощную ветку над самой тропой. Мало того, с моего места на ветке была видна часть поляны, на которой блистательные всадники спешивались и прогуливались, угощаясь едой и питьём со столиков, которые устанавливали для них расторопные слуги.

Я с любопытством наблюдала за чужой и непривычной мне жизнью. Мысленно удивлялась и задавалась вопросами. Например, таким:

– Что за блажь уезжать так далеко от дворца, аж, на другой конец парка? Только затем, чтобы поесть и попить? Неужто, во дворце их не кормят?

Впрочем, нарядные юноши и девушки не только ели и пили. На свободном участке поляны в какой-то момент разгорелась драка. Вот страсть-то!

Двое мальчишек махали палками друг на друга. И палки-то были даже не деревянными, а железными, да ещё и с рукоятками. То-то звон стоял по всей поляне. Такой железкой по башке попадёт, враз очуришься!

А рядом с первыми ещё двое взяли палками махать. И друзья их ничем не лучше. Окружили дерущихся, смеются, криками подбадривают. И девчонки на драку тарашатся, тоже посмеиваются. И ведь не боятся, что им тоже может прилететь.

Я же рассмотрела, что и у других парней висели на поясных ремнях схожие по виду палки. Выходит, у них тут в обычае такими палками махать? Чуть что не по ним, р-раз и по шее!

Не-ет, с такими принцами я не хочу знакомиться. И Кузара, если б увидела такое безобразие, думаю, перехотела бы идти в принцессы любовницы. Зашибут ведь ненароком.

Девчонки же... М-да, если б Кузара увидела хоть одну из здешних девчонок, то удавилась бы от зависти. А как они пахли! Над тропой до сих пор витало душистое облако. Видимо, это особенность всех богатых девчонок вкусно пахнуть...

Смотри-ка, палками подрались, а всё ж никого не зашибли. А драчуны так, вообще, чуть не обнимаются. Видать, совсем не сердятся друг на друга. А чего ж тогда драку затеяли?

Чуть в сторонке от драчунов и их друзей устроилась парочка. Тоже почти взрослый мальчишка обнимал девчонку. Вот бесстыжие! В сторонке, конечно, стоят, но всё равно на виду же!

Девка к плечу парня прислонилась, а он её по спинке оглаживает. Да не так, как мусор отряхивают, а как-то уж слишком... А потом ещё и руку ей обмуслявил. А девчонка и радуется чему-то. Дурёха! На поляне-то рукомойника нету. Разве что о платье руку оботрёт.

Вскоре после того, как солнце перевалило на вторую половину дня, шумная компания удалилась в сторону дворца. Кто из них принц, а кто гость я так и не разобралась. Лишь заприметила одного с особым камушком на шее.

Красивые камни на шее у многих были, и у девчонок в том числе. Но ещё когда мальчишка на коне проезжал под веткой, на которой я притаилась, этот камушек уж больно знакомо сверкнул. Был зелёный, а в тот момент, когда вблизи промелькнул, вдруг знакомо полыхнул алым огнём.

Я уж и про брошку свою почти совсем забыла, а вот этот огненный всплеск моментально её напомнил.

Кажется, исполох многих смутил, даже о чём-то спрашивали у пацана. Я не расслышала слов, уж больно быстро у них кони бежали. Но распознала, что вот этот самый мальчишка и оглаживал девчонку на поляне. П-фе...

После отбытия шумной компании юнцов, я проследила, как на поляне слуги убрали столики и закуски, погрузили их на повозку и тоже удалились в сторону дворца. А я вернулась к своим занятиям.

Дерево-Ари давно обозначила границы моих передвижений в королевском парке. Ей ужасно не нравилось, если я выходила за границы её кроны. Потворствуя моему любопытству, она позволила потрогать цветы и листья на соседних кустах, а потом неведомым образом затянула меня обратно под крону.

Листья и цветы оказались самыми обыкновенными, такими же как и на стороне усадьбы, а потому я не протестовала. Если уж на то пошло, то самыми необычными как раз и были мои дерево и белка.

К слову, крона у Ари раскинулась широко, и там вдоволь хватало места для игры с белкой в мяч, скрученный из мелких веток. Во время подвижной игры я не раз замечала у белки интересную особенность. На границе кроны дерева она начинала исчезать.

Обычно целая и плотная, в моменты приближения к краю кроны белка постепенно становилась прозрачной. Стоило ей совершить скачок по направлению к дереву, опять выглядела нормальной. Не знаю, ощущала ли она что-нибудь, но белка-Ари не любила покидать границ кроны дерева.

После игры в мяч, белка как всегда меня покормила. Только в этот раз принесла не плоды, орехи и ягоды, а кусочки хлеба с разными добавками. Ох, и вкусные! Пальчики оближешь! Ещё вручила удивительно вкусное и сладкое лакомство, тающее во рту. Стало интересно, где же эта проныра ухитрилась такую вкуснотищу раздобыть? Верно, со столиков на поляне стянула?

На мой вопрос белка непонятно махнула хвостом, прыгнула на ветки и показала, что моё место для послеобеденного отдыха готово.

О-о, это сладкое ничегонеделание! Я с удовольствием растянулась на упругой лежанке из сплетённых веток. Странного я сегодня насмотрелась всласть. Так что голова пухла. Стоило немного обдумать непонятное. От дерева ответов не получишь, но, может, Аришша что-нибудь разъяснит?

В тот момент я ещё не подозревала, что некоторые ответы на свои вопросы получу чуть раньше.

Я ещё зевала и потягивалась после непродолжительного сна, когда сквозь зелень веток с огромной высоты заметила две человеческие фигуры, которые почему-то крадучись пробирались к конной тропе чуть в стороне от моего дерева. И с удивлением разглядела двух мужчин, затаившихся в кустах по обе стороны от конной тропы.

На самую середину проезжей части они зачем-то выкатили садовую тачку и развернули её поперёк. Мужчины внизу напряжённо следили за тропой, а я сверху следила за ними. Они кого-то ждали и, похоже, не с добрыми намерениями.

Время шло, и мне стало надоедать столь долгое ожидание. Я с удовольствием бы размялась, но дерево-Ари, видимо, разбиралась в происходящем лучше, и придержало меня ветками, не давая спуститься. Тут же рядом крутилась белка, но перемещалась осмотрительно, как бы напоминая об осторожности, даже цокала не в пример тише обычного. У меня хватило ума понять знаки, подаваемые обеими Ари, и я решила потерпеть.

Когда солнце наполовину скрылось за дворцом, послышался цокот копыт бегущей лошади. Мужчины внизу напряглись, и я вытянула шею, чтобы рассмотреть происходящее получше.

Всадник вовремя увидел тачку на своём пути и успел резко осадить коня, а потом принялся крутить головой. Наверно, высматривал работника, столь небрежно бросившего тележку, да так неудачно, что обогнуть её верхом на лошади не было возможности.

Конечно, никого он не увидел. У всадника было только два выхода: развернуться и, чуть вернувшись назад, обогнуть широко разросшуюся куртину кустов или спешиться и откатить тачку с тропы. Он выбрал второй вариант. Спешился...

Вот тут-то злодеи и напали!

Только и всадник успел схватиться за свою железную палку и ткнуть ею одного из нападавших. А я вмиг убедилась в полезности этой штуки.

Ткнул он того, который выскочил на дорогу перед ним. А второй-то злодей выступил из-за куста за спиной жертвы и, недолго думая, шарахнул парня дубинкой по голове.

Ужас!

Проткнутый злодей скулил от боли. Парень, на которого напали, свалился замертво. Перепуганный конь взвился на дыбы и ускакал. Второй же злодей остался стоять столбом, видимо, мало соображая от неожиданности.

А то, что злодеи рассчитывали на другую развязку, я поняла, когда проткнутый, схватившись за бок, кое-как всё-таки поднялся и принялся ругать напарника:

– Балда! А если ты убил мальчишку? Представляешь, что нам его милость сделает?! Да ещё и лошадь упустил... Да если она сейчас на конюшню вернётся, то щенка сразу начнут искать. А там и на нас наткнутся.

– Я ж испужался, что он заколол ты, – виновато пробасил второй злодей.

– Испужался он... Тьфу! Деревня! Вот как его теперь тащить? Труп или живой, но предъявить его милости придётся. Ещё неизвестно, чей это щенок!

– Гарр, давай его бросим. А вдруг и вправду, он сынок кого-то важного, – испуганно пробасил второй.

– Я те брошу! Дело сделали, и денег не получить? Значит, так... Где-то тут должна быть карета. Разрешение на выезд у нас есть. Пока конь доберётся, да пока разберутся... быстро забираем пацана и линяем. Смотри. Пойдёшь на ту поляну...

– Котору?

– А-а, тролль! Сила есть, мозгов не надо! Ну-ка, помоги мне...

И злодеи направились в сторону поляны, на которой днём прохлаждались гости дворца. Я же сунулась к поверженному всаднику, оказавшимся тем самым взрослым мальчишкой с приметным камнем на шее. Этот камень и теперь полыхал алым.

Удачно, что парень лежал на тропе почти сразу за границей кроны. Я без раздумий ухватила его за руки и, упираясь пятками в землю, попыталась затащить его под крону дерева.

Даже в голову не пришло, зачем я это делаю. Почему-то возникла уверенность, что напавшие скоро вернуться. Следовательно, мальчишку нужно спрятать до их прихода. И даже сомнения не возникло в том, что спрятать его получится. Ари же мне поможет!

Мальчишка... – ну, можно его парнем назвать – был тяжёлым и, слава Сияющим Сёстрам, живым. Просто без сознания. Крепко же его приложили по темечку!

Дерево-Ари без моей просьбы, сама потянулась веточками к парню. Когда мне с трудом удалось его подтащить поближе, подхватила беспамятного и вместе со мной махом переправила за магическую ограду на территорию усадьбы на балансе.

Только здесь, на временной территории нашего приюта, я сообразила, что уже темнеет. Тени от деревьев и кружевной ограды ощутимо вытянулись. Обычно, к этому времени Аришша уже приходила за мной, но нынче запаздывала.

А мальчишка-то без сознания. А вдруг и вправду очокурится? Злодей-то, который с дубинкой – здоровенный мужик. И сильный, видать... Как назло, все желающие увидеть принца разбрелись куда-то. Чего б им ещё немного не поротозейничать? Не бросишь ведь больного, чтобы на помощь кого позвать.

И трогать его не буду. Хватит! Потрогала Шаску, сама чуть не померла. Но жалко ведь.

Не знаю, до чего бы я додумалась. Может, опять в очередной раз чего-нибудь натворила, но пришибленный зашевелился и со стоном сел, держась за голову. А я с облегчением вздохнула. Ну, не хотелось мне в очередной раз расставаться с так тяжело приобретённой красотью.

Приметный камень на шее парня так и продолжал полыхать алым. В прошлый-то раз, когда проезжал мимо, только всполох был. А тут, не то что не прекращал сиять, а вроде ещё ярче разгорался. У мальчишки и других блестящих украшений хватало, но этот камень всё затмевал.

Удивительно, что злодеи не позарились на драгоценности. Не иначе, сами ещё не отошли от того, что натворили, потому не сообразили сразу ограбить. Да и не подозревали, что у мальчишки спасители раньше времени объявятся.

Я представила рожи злодеев, когда они вернутся и никого не обнаружат, и хихикнула. Похоже, этот звук, наконец-то, обратил внимание парня на меня.

– Ты кто?

– Я это... мы с Ари перекинули тебя оттуда. Того... – руками и пальцами прокрутила над головой, изображая действия дерева-Ари, – спасли тебя. А ты кто?

– Я? Принц Киртой... Погоди, а это... – этот тип с осоловелыми глазами, представившийся принцем, слабо прокрутил пальцами, копируя мои жесты, – откуда и куда?

– Ты, правда, принц? Самый настоящий?

Пацан, хоть и пришибленный на голову, изумлённо вытаращился на меня:

– А ты кто такой?

– Я – Сола. А если ты принц, то где твоя корона?

Паренёк поморщился:

– Обычно маленькие девочки интересуются коронами.

Я обиделась:

– Вот ещё! Я уже немаленькая. Знала бы, что ты дразниться будешь, оставила бы с разбойниками.

– Что значит немаленькая? Ты девочка?

– Конечно, – похоже, как и других, принца ввели в заблуждение мои очень короткие волосы, даже мальчиков так коротко не стригли, потому я сразу забыла про обиду. – А зачем эти двое на тебя напали? Они разбойники? И ещё они говорили, что какая-то милость им что-то делает.

– На королей и принцев иногда покушаются. А эти разбойники называли кого-нибудь по имени?

Я помотала головой из стороны в сторону:

– Нет. Только один другого Гарром назвал.

Принц растерянно оглянулся по сторонам:

– Где мы?

– Тут усадьба на балансе, а нас привезли, пока наш приют ремонтируют. А там твой дворец, – махнула рукой в сторону магической ограды

Не удивительно, что парень растерялся. Вокруг высились деревья и кусты, полностью загораживая обзор на здания.

– На балансе? П-приют?

– Ага. А зачем твои друзья дрались палками на поляне? – до принца никак не доходило. Пояснила ещё раз: – Сегодня. На поляне. Неужто, тебя так сильно по голове стукнули? Мальчишки железными палками махались на поляне в парке.

– Не палками, а шпагами. И не дрались, а проводили тренировочный поединок, – принц наконец-то понял, о чём я говорю. И в свою очередь принялся задавать вопросы, попутно отвечая на мои. – Так это ты меня спасла?

– Мы с Ари тебя спасли. А ты на поляне с девчонкой стоял...

– Не с девчонкой, а с девушкой –баронессой Алайей Кинос, – принц уже улыбался. – А где твой Ари?

– Ари – дерево. Оно там осталась, – ещё раз махнула рукой в сторону ограждения. – А эта Алайя – твоя невеста что ли? Ты её ещё оглаживал там, на поляне.

– Н-невеста? Упаси Сияющие! А в усадьбе есть взрослые?

– Конечно, есть. За мной Аришша должна прийти. А зачем ты тогда гладил эту Алайю, раз она тебе не невеста?

– Есть! Есть у меня невеста. И это не Алайя! Ты можешь показать, куда нужно идти? Ничего не видно.

Немудрено, пока мы болтали, совсем стемнело. А может у принца после удара по голове что-нибудь в глазах испортилось?

Я с сомнением посмотрела на парня. Разговаривал он живо и вполне разумно, но почему-то его трясло крупной дрожью. Дойдёт ли? Принц, видимо, понял мои опасения.

– С твоей помощью я дойду. А если упаду по дороге, ты кого-нибудь позовёшь.

Вздохнула согласно:

– Пошли. Глядишь, Аришшу встретим, а она взрослая... Расскажи про свою невесту.

С земли принц поднимался тяжело. Совсем как старик. А поднявшись, сильно качнулся, чуть не завалившись обратно. Ладно, я своё плечо подставить успела. И всё же любопытство меня подзуживало.

– А какая она – твоя невеста?

– Девчонка... – голос принца звучал устало. Усмехнулся. – Хорошо, расскажу тебе про мою невесту. Риссолин. Это её имя, и она – дочь лорда из соседнего княжества Осиян. Её отец – великий оборотень-дракон Ар-Лагор из рода Драконоящеров.

– Ого! – мой голос звучал натужно. Принц тяжело наваливался при движении, но я готова была и дальше служить подпоркой, лишь бы услышать продолжение занимательной истории. – Как ты её нашёл?

– Так получилось, что отец при очередном визите в Осиян взял меня с собой. По дороге в Окреш, столицу княжества... Ох! Не торопись... Мы посетили замок Дракона, там я увидел её. Риссолин. Мне было чуть больше семи лет, а ей, примерно, года полтора. Нам с отцом повезло, что маленькая Риссолин выбрала это время, чтобы открыть шкатулку, которую ей подарила богиня – одна из Сияющих Сестёр.

– Сама богиня? Ты не врешь?

Я даже вывернулась из-под руки принца, чтобы заглянуть ему в лицо и убедиться в правдивости слов. Мой рывок привёл к тому, что принц всё-таки не удержался на ногах и повалился на землю. Мне тут же стало стыдно, что упал он из-за меня.

Парень с трудом сел и отёр дрожащей грязной рукой крупные капли пота с лица. Выглядел принц паршиво. Видать, крепко ему по голове досталось. Но он лишь досадливо поморщился и взялся рукой за подвеску с алым камнем.

– Не вру. Вот эту подвеску она вытащила из той шкатулки и подарила мне. И камень этот не простой...

Я только было открыла рот, чтобы поведать о камнях на своей брошке, правда, ничем особо не примечательных, кроме схожего сияния, как нас нашла Аришша.

– Сола, это ты? Кто с тобой?

Девушка наверняка ещё издали услышала голоса. Узнала мой и теперь встревоженно пыталась рассмотреть в темноте моего собеседника.

– Это принц, Аришша! Представляешь, мы с Ари самого настоящего принца у разбойников стащили!

– Сияющие! Сола! Стоило мне чуть припоздниться, как вы с Ари умудрились где-то разбойников найти, а... – девушка чуть запнулась, пристально вглядываясь в парня, так и сидящего на земле. – Ваше высочество?

– Да, госпожа. Сола с неведомым Ари действительно меня спасли. Но меня сильно ударили, и теперь я с трудом передвигаюсь. Не могли бы вы как-то доставить меня в Жымчург? Даю слово принца, вас отблагодарят за помощь.

Аришша почему-то не обрадовалась щедрому обещанию, но протянула руку больному:

– Конечно, поможем, ваше высочество. Нужно добраться до главного здания, а там господин Флош обязательно что-то придумает. Положите вашу руку мне на плечо. Не беспокойтесь, я вас удержу...

Да, Ришша всё-таки взрослая, и волокла принца не в пример быстрее меня. А парню становилось совсем худо. Он уже с большим трудом передвигал ноги, и голова его свесилась чуть не ниже плеч – того гляди, сознание потеряет.

Принц почти продержался. Окончательно свалился уже перед самым крыльцом главного здания усадьбы. Но это было уже неважно. Пока Аришша ещё возилась с бессознательным телом, я стрелой промчалась по комнатам усадьбы, громко вопя имя господина Флоша.

И заведующий не заставил себя ждать. Вышел злой и недовольный, натягивая верхний камзол:

– Что такое ещё случилось? Ночь уже... Обязательно так кричать?

Но я не обращала внимания на ворчание нудного мужчины и упрямо тащила его на улицу.

– Принц! Мы спасли принца!

– Что за чушь? Принц, верно, уже спит в своей постели. Куда ты меня тащишь, э-э... кажется, девочка? – господин Флош не знал по именам никого из приютских детей. Не то, что прежний заведующий господин Гильдиш.

Каково же было его удивление, когда в бессознательном грязном парне он распознал королевского сына. Тут же всё завертелось. Принца затащили в комнаты, лицо и руки его обтёрли мокрыми полотенцами.

Госпожа Флош вознамерилась лично поухаживать за пострадавшим, но сразу же чуть не опрокинула миску с водой ему на голову. Аришша лишь чудом успела перехватить посудину. И тут же, покачнувшись, толстуха едва со всего маху не села на живот принцу.

Вот точно задавила бы беднягу до смерти! Кабы Ришша, бросив миску на пол, не перехватила тётку за руку и дёрнула её в сторону, удачно усадив на стул. Хорошо, стул крепкий попался, лишь заскрипел натужно. Другой похлигче точно бы рассыпался под такой тяжестью.

Пока хлопотали над принцем, господин Флош где-то раздобыл крытую повозку запряжённую парой коней. Когда принца понесли в коляску, он очнулся. Повёл осоловелыми глазами и, увидев меня, улыбнулся. А потом с усилием отодрал у своей рубахи пуговицу и, протянув мне, просипел спёкшимися губами:

– Сола, покажешь во дворце эту пуговицу, тебя проводят ко мне. Я распоряжусь, – и чуть качнул рукой на прощание. На большее его сил не хватило.

Ох, как вытаращил свои жабыи глаза господин Флош! Но промолчал, залез в повозку вслед за принцем, лишь крикнув дядьке Васишу, правившему лошадьми вместо кучера:

– Трогай!

Обман

Со следующего утра я принялась донимать Аришшу вопросами, когда же я попаду во дворец. Но старшая подруга только пожимала плечами.

Удивительно, но господин Флош с дядькой Васишем не вернулись к утру. И я, как завелось в последние дни, отправилась к дереву. На королевской стороне парка творилось что-то интересное.

По конной тропе и вдоль неё бродили люди – мужчины в такой же одежде, в какой ходил проверяющий виконт ал Грахиаш. А ещё там бегала и что-то вынюхивала большая серая собака. И все эти мужчины даже не думали прогонять страхолюдную собаку и уступали ей дорогу.

Я, сгорая от любопытства, обязательно свалилась бы проходящим прямо на головы, если б Ари меня не удержала. Дерево беспокойно шелестело листвой и норовило прижать меня к стволу ветками потеснее.

А умная собака вдруг задрала морду и принялась усиленно нюхать воздух, пытливо оглядываясь вокруг. Но Ари закрыла меня листьями, а запах унёс порыв ветра. И собака, покрывшись на месте, всё-таки убежала.

Когда я рассказала Аришше о людях и собаке в королевском парке, она пояснила:

– Скорее всего, это следователи, которые изучают следы нападения на принца. Ищут напавших. И собака, по всему, не собака, а оборотень в своей звериной ипостаси. Говоришь, серый и большой? Ну, точно оборотень-волк. Они часто нанимаются в службы розыска.

К вечеру наконец-то прибыли господин Флош и дядька Васиш. Заведующий, будто бы и не было у него бессонной ночи, был оживлён и лучился энергией. Зайдя к себе, что-то командовал своей жене. Слышно было, как толстуха вдруг заголосила, захныкала Лирая. А чуть позже в комнаты Флошев зачем-то позвали меня.

В комнате присутствовал только господин Флош, его жена лишь на минуту вышла из смежной комнаты, смерила меня взглядом, фыркнула и чем-то разозлённая развернулась обратно. Пока открывалась и закрывалась дверь, было слышно, как хнычет Лирая: «Не хочу... как эта...»

Что у них тут творится?

Господин Флош смотрел на меня как-то растерянно и, похоже, не знал, как со мной говорить.

– Э-э... девочка, напомни-ка, как тебя зовут.

– Сола.

– Э-э... Сола, расскажи-ка мне, где ты встретила его высочество принца Киртоя?

Я пожала плечами и махнула рукой, кажется, в сторону старого королевского дворца:

– Там.

– А где там? Что там рядом находится?

– Деревья.

Странный он какой-то. То никогда меня не замечал, а то вдруг ни с того ни с сего заинтересовался.

Господин Флош нервно потёр шею, на которой выступили красные пятна. Дверь другой комнаты приоткрылась, в проёме показалась голова кастелянши, вновь смерила меня непонятым взглядом и скрылась. А по ушам опять вдарил Лирайкин крик и затих, приглушённый быстро закрывшейся дверью.

– А о чём ты говорила с принцем?

Пожала плечами:

– Да так...

– Э-э... Зора... Роса... Лоза...

– Чего?

– Э-э... девочка, – похоже, господин Флош уже забыл моё имя, – ты можешь подробнее рассказать, о чём с тобой говорил принц?

И снова Лирайкин визг несётся из приоткрытой двери, и непонятный оценивающий взгляд госпожи Флош. Происходящее мне совсем не нравилось. Вот ещё! С какой такой стати я буду что-то рассказывать? Господин Флош даже имени моего не помнит.

– О чём вы говорили?

– Не помню.

Красные пятна проявились уже и на лице, а не только на шее заведующего. А на носу повисла прозрачная капля.

– А пуговица, которую тебе дал принц...

Я насторожилась. Пуговица от принцевой рубашки оказалась золотой, в ажурной чеканке и с небольшим бриллиантом – так Аришша назвала камешек, вставленный в самую середину кругляша.

Рассмотрели ценную вещицу и старшие мальчишки, что крутились рядом. И стоило Аришше отойти по делам, как попытались отобрать у меня пуговицу. Только вот забыли, наверно, что не всегда стоит связываться со мной.

Это с виду я выгляжу мелюзга мелюзгой, но в обиду себя никогда не давала, если не болела. Правда, и старшим мальчишкам до этого дня не было нужды со мной связываться. Зато теперь узнали на собственной шкуре, что брыкалась, пиналась, кусалась и царапалась я будь здоров! А ещё визжала.

На шум сбежался народ. Да и Аришша, оказывается, недалеко отошла. Пришлось несостоявшимся грабителям познакомиться с тёмными кладовыми усадьбы на балансе. После этого Ришша накрепко пришила пуговицу с изнанки на своём платье. Мы с ней решили, что когда я пойду во дворец, тогда она и вернёт мне эту пуговицу-пропуск.

Аришше я доверяла. А господину Флошу доверяла ещё меньше, чем старшим мальчишкам, потому и свалила на них вину без всякого зазрения совести.

– Мальчишки отобрали, – и позлорадствовала про себя, заметив, как досадливо передёрнулся заведующий.

У приютских пацанов что-либо узнать, а тем более отобрать не было никаких шансов.

С тем меня и отпустили. Как мы с Аришшей ни ломали голову, пытаясь понять, зачем заведующему мои разговоры с принцем, так ни до чего и не додумались.

Насчёт пуговицы даже не гадали: все давно заметили скопидомство господина Флоша. Наверно, вздумал прикарманить дорогую вещицу. И разговору не было, чтобы он сам пошёл во дворец вместо меня. Принц-то уж, всяко, не перепутает мужчину с девочкой.

И за то, что я ничего не стала рассказывать, Аришша меня похвалила. Так, на всякий случай.

А на следующий день мы увидели, как всё семейство Флошев куда-то собралось. Сам господин Флош абсолютно равнодушный к сторонним взглядам вёл за руку дочь к повозке и что-то ей тихо втолковывал.

А мы и не сразу признали Лираю, до того чудно Флоши вырядили дочку. Платье, конечно, нарядное. И длиною в пол, как у взрослых, а вот на голове у неё творилась полная несурзанность. Волосы Лираи были укрыты платком, что поразило всех, кто наблюдал отбытие семейства. Волосы у вредины были, пожалуй, самым лучшим из всей её внешности. Чёрные, как у матери, густые тяжёлые и блестящие. А тут зачем-то их замотали платком наглухо.

Госпожа Флош тоже принаряженная, надменно задрал нос, семенила следом.

И уехали бы спокойно Флоши, а люди просто разбрелись бы, гадая о том, куда и с какой целью направились семейство заведующего в полном составе, если б им не помешала Аришша.

Сначала, как и другие, она довольно спокойно смотрела на Флошев, пока её взгляд не зацепился за кастеляншу. Аришша вдруг стремительно бросилась наперерез начальственному семейству:

– Подождите, господин Флош! – девушка наставила палец на толстуху. – По какому праву госпожа Флош надела брошь, которая принадлежит Сольене? Я отдала вам эту брошь на сохранение, а не для того, чтобы ваша жена красовалась в ней!

Всегда тихая, никогда не спорящая с начальством, моя Ришша вдруг стала величественной, строгой и даже какой-то сильной.

– Бросьте, госпожа Аришшия, – поморщился заведующий, раздражённый задержкой. – Мы с женой и дочерью едем по важному делу. Никто не отбирает брошь у вашей подопечной. Моя жена только сегодня наденет брошь на время визита, а потом снимет.

Аришша слова не успела сказать, как с головы Лираи Флош слетел платок. Что уж послужило причиной того, что платок слетел: ветер или неловкое движение девчонки? Уже было неважно. Потому что все увидели, что скрывал платок.

Почти лысую голову Лираи!

Можно сказать, такую же лысую, как у меня. И даже короткие прядки не сияли глубоким чёрным цветом, свойственным Лирае и её матери, а были такого же грязно-серого оттенка, как и мои.

Дети, наставницы и местные слуги ошеломлённо пялились на вдруг облысевшую любимое Флошево чадо. К моей безволосости люди худо-бедно привыкли, приняв её как последствие болезни. Но вчера ещё пышная шевелюра Лираи, сегодня вдруг осыпавшаяся без всякой причины, ошарашила всех.

Народ ещё только осознавал факт неожиданного облысения Лираи, а моя Ришша уже что-то поняла:

– Хм, теперь ясно!

– Отдай ей! – оглушительно рявкнул господин Флош, резко выкинув руку в сторону жены и не спуская при этом напряжённого взгляда с Аришши.

Заведующий аж побелел от еле сдерживаемого гнева, но после отданного приказа молчал, стиснув зубы. Его жена, чуть помедлив, всё-таки принялась отстёгивать украшение, шипя проклятия. Только Лирая, подскуливая, пыталась прикрыть срамную лысину ладошками.

Аришша тоже напряжённо молчала, не сводя глаз с разъярённого начальства, готовая отстоять свою правду во чтобы-то ни стало. И отошла в сторону лишь тогда, когда моя брошка перекочевала ей в руки.

А когда зло пыхтящее семейство Флошев наконец-то разместилось в повозке и укатило, грустно усмехнулась, погладив меня по отрастающим волосам:

– Похоже, солнышко, твоя пуговица тебе не пригодится. А принц Киртой по дороге ещё одну пуговицу потерял, – и, предупреждая мои вопросы, предложила: – Давай думать, куда спрячем твою брошку. Смотри, какая она большая, её под платьем никак не укроешь.

Я с любопытством рассматривала почти забытое украшение. Самое яркое воспоминание, как камни меняют цвет. Вот и сейчас, стоило мне коснуться брошки, как густо-зелёные камни полыхнули алым, порождая завистливые вздохи вокруг. М-да, в таком окружении не то что спрятать, просто спокойно рассмотреть драгоценность не получится.

Рассмотреть получилось, лишь забравшись на дерево Ари. До дерева меня проводила Аришша, да и то, скорее всего под скрытым, но бессильным конвоем из желающих стать новыми владельцами украшения.

Сидя на ветке, я не боялась, что меня смогут достать. Ари к посторонним относилась плохо. И тем хуже, чем хуже они обращались со мной. И если я ещё как-то могла быть снисходительной, то дерево не спускало моим обидчикам. Уже проверено.

Ещё в первые дни после знакомства с Ари шутники попытались подкараулить меня да поиздеваться по старой памяти. Один мальчишка ногу сломал, вздёрнутый вверх тормашками гибкой веткой, а другую девчонку дерево чуть не удушило. Притом не Ари, а другое дерево, которое росло на стороне усадьбы. И дерево-то самое обыкновенное. Лишь присмотревшись изменённым взглядом, я увидела, как тянулись светящиеся нити от Ари к напавшему на девчонку дереву.

С тех пор среди ребятни пошла гулять байка, что я – дриада, и потому деревья меня защищают. Ха! Лысая дриада! Ну, и пусть. Зато теперь меня опасались задирать и дразнить, особенно среди деревьев.

Из детских воспоминаний о броши я помнила только игру камней. Взгляд двухлетнего ребёнка вряд ли зацепился бы за что-нибудь другое. Сейчас, спустя шесть лет, жадно изучая брошь, я обратила внимание на её форму и расположение камней.

На первый взгляд украшение смахивало на странный цветок. В центре сверкал достаточно крупный камень, а вокруг него ближе к краям блестели более мелкие. Схожесть броши с цветком добавляли ажурные лепестки из золота, каждый из которых, если рассматривать его в отдельности, напоминал своими очертаниями маленькое крылышко неведомой птицы. И эти крылатые лепестки мне почему-то были знакомы.

Задумалась, а рука машинально потянулась потереть плечо, которое примерно с месяц назад перестало меня беспокоить, но я по привычке иногда его теребила. И тут меня осенило. Плечо!

Пятно на плече перестало зудеть и шелушиться, но приобрело интересную форму, которую я никак не могла определить. И только в тот момент, когда рассматривала украшение, вдруг поняла, что пятно на плече теперь изображало рисунок вот такого лепестка-крыла с броши, но только одно и в большем размере.

Открытие меня ошарашило настолько, что я не заметила, как по щекам потекли слёзы. Почему я заплакала? Да откуда я знаю... А дерево-Ари нежно гладила меня ветками по голове.

Проревевшись, я ещё долго гладила на брошку. Вспоминая алый блеск камней на шее принца Киртоя, убедилась, что камни моей драгоценности сверкали ничем не хуже камней принцессовой подвески.

Жаль, что принц не успел поведать, чем таким необыкновенно магическим наделена его подвеска. А вот на брошке камни были самыми обыкновенными, кроме вот этого переливчатого блеска. Даже изменённый взгляд не выявил ничего магического.

Вдоволь насмотревшись на брошь, я решительно засунула её в развилку между веткой и стволом дерева и гундосым от слёз голосом сказала:

– Ари, ты не думай... это моя брошка. И я её тебе дарю, – показалось, дерево замерло, даже листва перестала шелестеть. – Вдруг мы скоро уедем, пусть у тебя останется мой подарок. В приюте всё равно её украдут, а так ты будешь меня вспоминать. Ты и Аришша – самые-самые замечательные на всём свете! А когда у меня получится встретиться с принцем, я смогу прийти к тебе поиграть...

И как в воду смотрела.

Семейство Флошев отсутствовало больше суток. На второй день к вечеру вернулся господин Флош. Один. А ранним утром следующего дня объявил, что нынче же все приютские покидают усадьбу на балансе и возвращаются обратно в Синезёрск.

Обратно в приют

Обратная дорога в приют оказалась намного быстрее переезда в усадьбу.

На переезд в усадьбу ушло три дня, а обратная дорога в приют уложилась в один.

Помнится, весной повозок не хватало. Вернее, денег для их найма. Заведующий сквозь зубы клял королевское предписание, заставившее стронуться с места, деньгами же подкрепить распоряжение никто не удосужился, что и сказалось на скорости переезда. Нынче же повозки сразу нашлись в нужном количестве. За одну лишь ночь. Значит, и деньги откуда-то взялись.

Наставники, и те ворчали:

– Какая муха укусила короля? То распоряжается приютскую нищету в хороммах поселить, а то выгоняет обратно чуть не пинками.

Утром нас, детей, разбудили рано и сразу загнали в повозки, вместо завтрака сунув по куску хлеба. Народ завздыхал – прощай, праздник ничегонеделания и сытости; здравствуй, жизнь впроголодь и непосильная работа.

Господин Флош жёстко руководил неразберихой и подгонял опаздывающих. Ещё вчера я только предполагала переезд и вряд ли подозревала, что он случится так скоро. А этим утром даже на минутку отлучиться не удалось, чтобы попрощаться с Ари. Как и других меня загнали в повозку чуть не сразу из постели. Местные слуги, провожая нас, высыпали на улицу гуртом и тоже удивлялись вслух таким скорым поворотом дела.

До приюта мы добрались только вечером. Чего ожидали, возвращаясь обратно? Уж явно не того, что двор нас встретит распахнутыми воротами.

Никто не делал ремонт в здании, как нам обещали. Наоборот, в комнатах царила разруха. Кто-то похозяйничал в помещениях. Скучную мебель и ту растащили. А то, что оставили, сломали без возможности починить.

Неведомые грабители разорили кабинет заведующего, склад кастелянши, не побрезговали даже обкусанными деревянными ложками с кухни. Кухарка взвыла, увидав голые стены кухни и пустую кладовую. Только господин Флош был невозмутим и деловито распорядился обустройством детей и персонала.

Лишь лекарский флигель в глубине неухоженного сада остался нетронутым грабителями. Кто-то из старших обронил, что вроде как его магическим заклинанием закрыли. Я не поленилась, сбегала, полюбовалась на переплетение светящихся нитей – действительно, магическая защита.

Правда, то, что творилось внутри здания приюта, я сама не видела, узнала о безобразиях и разоре с чужих слов. Дальше крыльца я пройти не смогла, только и заглянула в проём разбитой в щепы двери, а переступить порог уже не стала.

За время нашего отсутствия зло, поселившееся внутри здания, только разрослось. Так раздобрело, что я уже на крыльце почувствовала внутреннюю дрожь, готовую вот-вот лопнуть звонким «Дзон-нь!». Теперь внутрь помещений мне ходу не было.

Потому заглянула через порог и ушла с крыльца. Аришша даже поздним ужином заманить в здание не смогла, на улицу мою порцию вынесла. А есть хотелось.

Кроме хлеба на завтрак, нам по дороге разрешили напиться из ручья. На ужин тоже был хлеб. Только и различий – утром хлеб был ещё белый, мягкий да душистый, каким нас в усадьбе весь прошедший месяц баловали, а вечером чёрный и клёклый, таким нас все годы в приюте кормили. Тоска...

Господин Флош на ночь куда-то уехал. Оставшиеся кое-как прикорнули на голом полу.

Я ушла к яблоням и попыталась устроиться там. С грустной улыбкой вспомнила своих Ари. Как они? Не обиделись ли, что я не пришла попрощаться? И сама себе ответила: «Нет. Мои Ари всё понимают. Они обязательно догадаются, что я не смогла прийти».

Поздней ночью возле яблонь меня и нашла Аришша. Устало присела рядом, закутала меня в старую шаль и прижала к себе. Уезжали-то в усадьбу весной, потому все по возможности прихватили с собой тёплые вещи. И хорошо. Хотя бы эти вещи уцелели. А сейчас хоть и лето, но ночью всё же зябко.

С утра все бродили по территории приюта вялые, хмурые и бледные – как пить дать, зло на них тоже действует. Прибирались как могли. Мели полы свеженаломанными вениками, собирали и стаскивали мусор в кучу. Не было даже дырявых вёдер – всё было разворовано.

Завтракали опять чёрным хлебом – по распоряжению господина Флоша караваи были закуплены с вечера. Старшие мальчишки шушукались, явно о чём-то сговариваясь. Аришша их старалась занять в первую очередь. Я держалась от здания приюта подальше, с тоской размышляя, как я дальше буду жить и спастись от зла?

Господин Флош объявился, когда солнце перевалило зенит, оживлённый и полный сил. За ним на двор вкатилось несколько гружёных подвод. Народ зашевелился, с любопытством рассматривая содержимое телег.

Заведующий и о еде позаботился. На обед каждому выдали, аж, по два куса... хлеба.

Выразить недовольство скудной едой никому не дали, заставив таскать привезённое в дом. Я нашла в саду грабли, которые ворюги чудом не углядели, и занялась чисткой травы и дорожек от мусора. А что? Я тоже при деле.

Через пару часов заглянула на двор и увидела, что подводы уже уехали, а в ворота въезжает чёрная карета с решётками на дверцах, запряжённая чёрными же лошадьми. Из кареты вышбрался проверяющий виконт ал Грахиаш и направился к крыльцу.

Что же меня подтолкнуло? Почему я решила, что виконт идёт прямо в лапы зла?

Да, простые люди как-то сосуществовали рядом с этой напастью. Но я подозревала, что люди со светящейся паутиной внутри были лакомством для зла. Наверно, у меня тоже есть эта паутина, раз оно грызёт меня раз за разом.

Я бросилась следом за мужчиной, пытаюсь предупредить об опасности:

– Стой, господин Грахиаш! Там зло!

Он меня не послушался, лишь хмуро сверкнул глазами и продолжил путь. Переступив порог приюта, виконт ещё успел пройти часть коридора, потом замедлился и, ещё не осознавая случившееся, вдруг повалился на пол.

Заглядывая в открытую входную дверь, я ощущала, как зло тянется ко мне, пытаюсь выгрызть душу. Рядом толпились люди: кто-то из детей и даже наставница малышей. Только кого я ни теребила, ни уговаривала, никто не спешил на помощь проверяющему, недоумённо тарашась через порог на неподвижное тело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.